

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Наталья Александрова

Неправда
о любви

ЭКСМО

Наталья Николаевна Александрова

Неправда о любви

Серия «Частный сыщик

Василий Куликов», книга 2

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3936115

Неправда о любви : роман / Наталья Александрова: Эксмо; Москва;

2009

ISBN 978-5-699-34320-1

Аннотация

Что делать милиционеру на пенсии? Клеить модели танков и ходить по врачам? Василий Макарович Куликов не желает расставаться с прошлым. Потому-то и открывает собственное детективное агентство. Ведь раскрыть преступление самостоятельно, без оперативной бригады, ему вполне по плечу. А то, что приятельница Василиса Селезнева и ее друг бордоский дог Бонни порой вмешиваются в рабочий процесс, – делу не помеха. Конечно, дядя Вася, как настоящий мужчина, предпочитает справляться с трудностями в одиночку, но на этот раз ему не до реверансов: обстоятельства принимают скверный оборот. И Василисе приходится спасать ему жизнь...

Книга также вышла под другим названием: «Игра на нервах для одинокого ценителя».

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

86

Наталья Александрова

Неправда о любви

Я плюхнулась на жесткий стул и отвернулась к окну, чтобы не глядеть на все это безобразие. Узкий коридор, стены выкрашены унылой серой краской, многочисленные двери, мимо снуют какие-то тетки и девицы с самым неприступным выражением лица. Уж такие недотроги, не подступись и слова не скажи, вопрос пустяковый не задай – обольют презрением. Даже на прилично выглядящих мужчин глазами не стреляют – понимают, что им ничего не светит.

Еще бы, какой мужик станет глядеть с интересом на посторонних женщин, ожидая решения суда о собственном разводе? Да они в этот момент и не могут думать даже о том, чтобы просто подружку завести, а не то что новую жену! Процедура способна довести человека до зубовного скрежета и заикания. Вот у мужчины напротив глаз дергается, у женщины – руки трясутся.

Мы все сидим в коридоре в ожидании, когда вынесут документы. Самое неприятное позади, осталась только нудная бумажная волокита.

К этой минуте я шла долгие восемь месяцев, претерпела множество унижений, истрепала нервы, и вот теперь, когда до финиша совсем немного, силы оставили меня. Я так хотела стать свободной, отрясти, так сказать, со своих ног прах

прошлой семейной жизни... И вот теперь, когда все кончилось, откуда такое похоронное настроение?

В душе как будто разлита огромная бутылка чернил, перед глазами тоже все серо-лилового цвета.

Возможно, это оттого, что вид за окном ничуть не радует – начало декабря, снег в который раз растаял без следа, на асфальте лужи, на газонах сквозь грязь и слякоть пролезает жухло-зеленая трава – никак не может привыкнуть, что уже наступила зима, все ей чудится тепло. Деревья тянут вверх черные корявые лапы, серое небо висит так низко, что хочется пригнуться.

Словом, и в природе, и у меня на душе жуткая тоска, хочется совершить что-нибудь антиобщественное: заорать во весь голос, запустить чем-нибудь тяжелым вон в того лощеного типа или уж на крайний случай подставить ножку вон той крашеной мымре, которая, проходя мимо, все же сделала попытку состроить лощеному типу глазки.

В целом вид у всех моих товарищей по несчастью не блестящий. Исключение составляет только мой бывший муженек – упомянутый лощенный тип в дорогом костюме. Костюм тщательно отглажен, рубашка тоже, из чего я делаю вывод, что муженек мой завел себе очередную дуру, которая его лелеет и обихаживает в надежде на скорый брак. Ну, это вряд ли! Мне ли не знать своего дорогого, он ведь привык от женщин только брать, ничего не давая взамен. Разумеется, если ему попадется обычная женщина, а не такая суперстерва,

как Ольга, – та самая особа, из-за которой мы развелись. Ну да что об этом вспоминать, там уже все точки над *i* расставлены, вопрос закрыт¹.

Ботинки у моего бывшенького новые, итальянские, портфель дорогушей мягкой кожи, рядом на стуле лежит куртка, тоже отличного качества – словом, все при нем. Спортотом только не занимается, ест слишком много – уж я-то знаю! А отсюда – приличное начальственное пузо, даже намечается второй подбородок – это уж совсем никуда не годится. И залысины стали гораздо сильнее заметны. Впрочем, что это я? Меня он совершенно не интересует, никакой – ни худой, ни толстый, ни лысый, ни кудрявый...

Однако от его прекрасного внешнего вида настроение испортилось еще больше. Мой бывший муж – человек по-своему замечательный. Его ничем не проймешь. Непотопляемый, как ракетный крейсер! Ничто не может выбить его из седла и лишить аппетита. И еще он всегда умеет так устроиться, что всю неприятную работу делают за него другие – преимущественно женщины. И липнут они к нему, как мухи на клубничное варенье, – наверное, оттого, что он сам за ними не бегаёт. Сказал же поэт – «Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей!» Как это верно...

Я поймала на себе взгляд бывшего мужа и увидела в нем оттенок пренебрежения. Что ж, все правильно. После того как три месяца назад я отвергла его вялые попытки к при-

¹ См. роман Н. Александровой «Откройте принцу дверь».

мирению, он просто вычеркнул меня из жизни и сосредоточился на том, чтобы выйти из развода с наименьшими потерями. И преуспел, это видно по его лоснящейся физиономии и дорогой одежде. Чего не скажешь обо мне.

В свое время до того он меня довел, что я сбежала из дома как была, прихватив только смену белья и документы. Работы приличной у меня не было – сам же Володечка постоянно требовал, чтобы жена сидела дома и обеспечивала ему уют и комфорт. И я шесть лет работала по дому, как вол. За что и получила в результате по полной программе.

Когда он понял, что развода не избежать, то истратил кучу денег на опытных адвокатов для того, чтобы отсудить у меня дом. И наверняка добился бы своего, поскольку у меня денег не было – за то время, пока мы разводились, я смогла найти только случайную работу, которая позволяла только что не умереть с голоду. И еще в моей жизни появился Бонни, но об этом после.

Так вот, пришлось мне предпринять кое-какие меры, обратиться к своим приятелям из милиции (не удивляйтесь, вначале знакомство было не слишком приятным, но по прошествии некоторого времени оно переросло в неблизкую дружбу). В приватной беседе муженьку объяснили, что женщин вообще обижать не рекомендуется, а уж тем более если они бывшие жены. Думаю, что с домом все будет в порядке, мы поделим его пополам, и я наконец смогу приобрести собственное жилье.

Так что вовсе незачем этому типу смотреть на меня с таким откровенным пренебрежением. Ясное дело, одета я не слишком хорошо, вещи все неновые, из прошлого гардеробчика, я покупала их, будучи замужем. Зато похудела от беготни и нервотрепки, нигде ничего лишнего нету.

И вообще, меня не должны волновать взгляды совершенно постороннего человека. Никаких точек соприкосновения у нас в дальнейшем больше не предвидится. Детей нет, общих друзей тоже, дом продадим – и разбежимся, как в море корабли. Знаю, есть такие семьи, где муж с женой, разведясь, мило приветствуют друг друга на различных тусовках, изредка обедают в ресторанах и даже ходят вместе на вечеринки к друзьям и родственникам, но это не наш с Володечкой случай.

От осознания этого факта настроение почему-то не улучшилось, я продолжала с тоской смотреть на дверь нужной комнаты.

И тут в коридоре появилась очень интересная пара. Собственно, вначале я заметила только женщину – высокую стройную блондинку, очень ухоженную и привлекательную. Красота ее была умело подчеркнута дорогой одеждой и макияжем. Светлая курточка, отороченная норкой, в тон прическе. Еще на блондинке были шоколадного цвета брючки и сапоги на таких каблуках, что сразу становилось ясно: прошла она пешком ровно пять шагов – от машины до подъезда. Казалось, что унылый серый коридор осветился, как будто

внезапно под потолком вспыхнуло два десятка лампочек. Даже поникшего вида мужчины, томившиеся на жестких стульях, слегка оживились, а уж про моего бывшего и говорить нечего: он приосанился, закрутил головой и даже сделал попытку привстать с места. Впрочем, быстро опомнился и снова плюхнулся на стул, поедая блондинку глазами.

При таком раскладе немудрено, что спутника блондинки все заметили не сразу. Откровенно говоря, и смотреть-то было особо не на что. Такой невысокий мужичок самого скромного вида. Одет чисто, но не то чтобы бедно, а слишком уж незаметно, волосики пегие от седины, кое-как пострижены, глаз не видно из-за очков. И самое главное – возраст. Мужчина был старше блондинки лет на двадцать – в своих подсчетах я сделала поправку на отличную работу косметолога и визажиста и дала блондинке тридцать пять. Стало быть, ему под шестьдесят.

– Подожди тут, я все узнаю, – сказал мужчина и скрылся за дверями кабинета.

Голос его был так тих, что услышала одна я. Блондинка остановилась рядом с дверью, потому что все стулья были заняты. Тут мой бывший решил, что настал его час. Он вскочил со стула и бросился вперед, нагнув голову, как козел, собирающийся бодаться, и я с радостным изумлением заметила у него на голове весьма хорошо просматривающуюся плешку. Слов мужчины он не слышал и, возможно, принял его за шофера.

– Присядьте! – сказал мой бывший. – В ногах правды нет!

– Благодарю вас! – сказала блондинка, едва заметно поморщившись. – Я тут ненадолго...

Действительно, муж ее скоро вышел.

– Долго нам ждать? – капризно спросила она.

Он в ответ успокаивающе махнул рукой и что-то тихо сказал.

Блондинка пренебрежительно дернула плечом и отвернулась.

Я смотрела на нее с восхищением. Вот правильное поведение! Никакой суетливости и тоски в глазах! Выглядит отлично, нарочно надела сапоги на таких каблуках, чтобы казаться выше мужа. И вообще превосходить его по всем статьям. Впрочем, очевидно, так и было задумано с самого начала их брака. Она, такая молодая и красивая, снизошла до него. Хотя на самом деле она согласилась выйти замуж за этого ничем не примечательного типа только из-за денег. И теперь при разводе обдерет его как липку, оберет до нитки. Так им всем и надо!

Я выпрямилась на стуле и злобно поглядела на экс-мужа. Взгляд пропал втуне, поскольку тот пялился на блондинку во все глаза и ничего вокруг замечать не желал.

Почувствовав его внимание, дама досадливо скривилась, как будто ее раздражала летающая рядом муха, после чего сверху вниз поглядела на своего мужа, тоже теперь бывшего, и спросила с нетерпением:

– Долго еще?

Действительно, этот унылый коридор совершенно не подходил такой шикарной женщине. Это мы все, кто попроще, будем сидеть и покорно ждать, не смея поднять голос ни на одну из снующих мимо девиц, а ей такое не по статусу.

– Уже скоро, – он погладил ее по плечу.

Нельзя не признать: старичок держится спокойно и с достоинством, этого у него не отнимешь.

Открылась дверь, показалась секретарша.

– Светловы! – произнесла она, и престарелый муж блондинки выхватил у нее из рук документы.

– Наконец-то! – напоказ вздохнула блондинка. На самом-то деле она не успела утомиться.

В глазах сидящей напротив женщины с трясущимися руками я прочла нелестные для блондинки мысли – мы, дескать, тут сидим и мучаемся, а пришла такая фря, и ей все без очереди...

Но я была на стороне блондинки. Тем более что секретарша тут же вызвала Селезневых, то есть нас с муженьком, теперь уже точно бывшим. Завтра же непременно займусь переменной фамилии, не хочу иметь с ним ничего общего!

Володя убрал свою часть бумаг в шикарный портфель и ушел, не попрощавшись. Я только пожала плечами – манеры его мне давно известны.

Что ж, нужно начинать свободную жизнь. Но радости от этой мысли я не испытала.

– Удачи вам! – тихонько сказала я женщине напротив и пошла к выходу.

На улице шел дождь – мелкий и нудный, как раз по моему настроению. Прямо возле двери располагалась огромная лужа, очертаниями напоминающая озеро Байкал. Кстати, если и дальше вместо зимы будет продолжаться это такое безобразие, то лужа вполне может достичь и размеров Байкала.

Моего драгоценного и след простыл. Разумеется, он и не собирался подвозить меня, да я и сама бы к нему в машину не села. Это нужно несколько себя не уважать!.. Я глубоко вдохнула сырой холодный воздух, натянула поглубже капюшон и отважно шагнула в лужу.

Чтобы срезать дорогу до маршрутки, нужно было пройти через скверик. И вот там, на мокрой садовой скамейке, я увидела скорчившуюся фигуру. Женщина сидела, закрыв лицо руками, и поза ее выражала такое глубокое отчаяние, что я просто не смогла пройти мимо. Согласитесь, не станет нормальный человек просто так расслаиваться под ледяным дождем. Стало быть, либо сердце прихватило, либо ограбили.

Я шагнула к скамейке и тронула женщину за плечо.

– Простите, вам плохо? Может быть, вызвать «Скорую»? Не отрывая рук от лица, она замотала головой.

– Сумку вырвали? – продолжала настаивать я. – Незачем так отчаиваться, я могла бы одолжить вам немного денег, дать позвонить по мобильному...

Я замолчала, потому что вдруг как будто узнала ее. Курточка была светлая, отороченная бежевой норкой, светлые пышные волосы, сапоги на высоченных каблуках...

Не может быть!

Но женщина наконец отняла руки от лица — только для того, чтобы отмахнуться от назойливой приставапы, и тут я увидела блондинку, которую только что наблюдала в суде. Собственно, узнать ее можно было только по одежде, и я не сумела сделать этого раньше только потому, что совершенно не ожидала увидеть ее здесь, на грязной скамейке...

Что касается лица, то оно изменилось до неузнаваемости. Где гладкая кожа, где безмятежный лоб без единой морщинки, где высокомерный взгляд и насмешливо улыбающийся рот? Теперь она выглядела опустошенной и постаревшей, кожа приобрела нездоровый серый оттенок, тушь размазалась, уголки рта печально опустились. Словом, передо мной была женщина во власти неизбывного горя.

— Это вы? — пролепетала я. — Но что...

Она поглядела внимательнее, во взгляде проступила некоторая осмысленность. Вряд ли она меня узнала — там, в коридоре суда, она смотрела поверх голов, где уж заметить мою скромную персону. Скорее сообразила, где мы могли встречаться. Она тяжело, прерывисто вздохнула, явно стараясь удержать слезы, и достала из кармана мятый носовой платок. Взглянув на него, покачала головой, и слезы снова полились градом. Так бывает: вроде бы успокоился человек,

но любая досадная мелочь способна вновь вызвать рыдания.

Я поскорее протянула ей бумажную салфетку. Дождь усилился, да еще ветер бросал ледяные струи прямо в лицо, а ноги промокли сразу же, как только я шагнула в лужу у дверей суда. Я поежилась и сказала как можно убедительней:

– Вам нельзя тут сидеть. Простудитесь и заболите, вон какой дождина!

– Ах, мне все равно! – ответила женщина, и было видно, что она не врет и не преувеличивает. – Какое это теперь имеет значение!

«Зато мне не все равно, – подумала я, – если я схвачу воспаление легких, кто станет со мной возиться?»

В конце концов, человеческое участие и стремление помочь ближнему должны иметь свои пределы. Не в таком я положении, чтобы нянчиться с совершенно незнакомой женщиной, тем более что она сама этого не хочет.

Очевидно, блондинка уяснила для себя кое-что из моего красноречивого молчания. Она снова тяжело вздохнула и с трудом поднялась на ноги.

– Идем, у меня тут поблизости машина.

Машина оказалась очень неплохой новенькой «Маздой» третьей модели, в чем я совершенно не сомневалась, – понятное дело, такая женщина на старых «Жигулях» ездить не станет. Я уселась рядом с блондинкой – уж очень замерзла и отсырела в скверике. Она бессильно опустила голову на руль и затихла. В конце концов, мне все это порядком надоело –

время бежит, мне домой надо, меня Бонни ждет, волнуется за меня, да и самой хочется есть, пить и принять ванну, чтобы смыть с себя всю горечь сегодняшнего мероприятия.

Я пошевелилась, намереваясь открыть дверцу и уйти, блондинка подняла голову, я даже содрогнулась – такая у нее в глазах стояла тоска.

– Я не могу... – пробормотала она прерывающимся голосом. – Я этого не переживу!

Ну вот, опять – двадцать пять, поехали по новой!

– Слушай, да что случилось? – не выдержала я. – Нельзя же так душу рвать из-за...

– Из-за пустяков, ты хотела сказать? – вскинулась она. – Может быть, это для тебя развод – пустяки, а я просто не переживу, я умру!

– Так это ты из-за развода так переживаешь? – сегодня до меня все доходило с трудом. – Слушай, подруга, ты серьезно? Из-за этого... пожилого...

– Я люблю его! – закричала она страстно. – Люблю больше всего на свете! Больше жизни!

– А чего ж ты тогда так себя вела? – я отвесила челюсть.

– Как? – она усмехнулась одним углом рта. – Высокомерно? Вызывающе?

– Ну да...

– Из гордости... – вздохнула она, нашаривая в «бардачке» сигареты. – Чтобы он ничего такого не подумал.

– Так это он тебя бросил? – сообразила наконец я. – А я

думала, это ты его выдоила до конца и выбросила за ненадобностью, как старую ветошь...

– Не смей так говорить! – В глазах зажегся нездоровый огонь. – Он лучше всех, лучше всех! Мы все не стоим его мизинца!

– Ну-у... – Я на всякий случай отодвинулась подальше. – А тогда – из-за чего вы развелись? Он что – другую нашел?

– Вроде того, – она снова жалко усмехнулась.

– Слушай, может, ну его совсем, а? – предложила я. – Ну что ты себе сердце рвешь? Ведь теперь уже ничего не поправишь. Все равно развелись, раз он так решил...

– Это точно, – она закурила, не предложив мне, да я, в общем, и не хотела.

– Все наладится потихоньку, ты отдохнешь, позабудешь все, начнешь заново, – приободрившись, продолжала я. – Денег-то хоть удалось с него содрать?

– Да при чем тут деньги? – отмахнулась блондинка. – Денег я добуду сколько нужно!

– Тебе легче, – в свою очередь, вздохнула я.

– Вот этим и займусь, – решительно пообещала блондинка, загасив сигарету. – Уж запомнят они меня, на всю жизнь запомнят! Тебя куда отвезти?

Я пригляделась – руки у нее дрожали, глаза лихорадочно горели. Если честно, то не стоит ей вести машину, а мне не стоит с ней ехать. Однако дождь припустил вовсю, и я решила рискнуть, тем более что было совсем близко – тут же, на

Васильевском.

Ничего не случилось. Блондинка вела машину уверенно, хотя и резко, так что меня слегка трясло на поворотах. Но вскоре я была возле дома, где жила последние восемь месяцев в обществе своего дорогого друга Бонни.

Бонни достался мне, можно сказать, по наследству от чужих людей. Его хозяева наняли меня в свое время в няньки на две недели отпуска, а сами погибли в автокатастрофе². Потом в нашей жизни на короткое время появился Иван, который и унаследовал Бонни вместе с квартирой. Потом Иван уехал работать в Штаты, оставив нас вдвоем с Бонни здесь, в этой же квартире. Откровенно говоря, мы оба очень довольны, потому что обожаем друг друга. Иван присылает деньги на собаку, но по некоторым обмолвкам в письмах я поняла, что у него кто-то есть там, в Америке. И очень может быть, что он со временем захочет завести семью, а в таком случае ему понадобится квартира. Или дом, как там у них принято. И тогда он решит продать жилье на Васильевском острове, так что нам с Бонни нужно как можно быстрее искать пристанище. Ничего, теперь, после развода, сделать это будет легче.

Я открыла дверь и оказалась в просторном и хорошо отремонтированном холле. Дом старый, позапрошлого века, поэтому в холле стояла статуя Фемиды, богини правосу-

² См. роман Н. Александровой «Откройте принцу дверь».

дия, – ее изображают с весами в руках и с завязанными глазами. Фемида – кошмар моей жизни, поскольку Бонни ста-
тую страстно полюбил: до того, что не может пройти мимо,
не подняв на нее лапу (прошу прощения за подробности).

Сами понимаете, жильцы и уборщица очень такой привя-
занностью недовольны, пес плохо поддается воспитанию, так
что мне приходится нелегко. Но эта странная тяга к право-
судию – единственное темное пятно на наших с Бонни отно-
шениях.

Стоя за дверью, я услышала ровный гул, потом кто-то бух-
нул чем-то тяжелым, так что двойная железная дверь содрог-
нулась, будто бумажная.

– Бонни, немедленно прекрати! – крикнула я.

Как назло, ключ едва поворачивался в замке, и удары уча-
стились. Я распахнула дверь и тут же отскочила в сторо-
ну. И правильно сделала, потому что на площадку вылетело
страшилище желто-песочного цвета. Силой ветра меня при-
жало к стене, страшилище затормозило всеми четырьмя ла-
пами и закрутило огромной головой. Я затихла за дверью,
надеясь, что на этот раз меня минует чаша сия.

Как бы не так! С ужасающим воем чудовище ринулось ко
мне, ткнуло мордой в плечо, так что я буквально стекла по
стенке на пол, после чего меня облизали теплым языком да
еще и испачкали слюной всю одежду.

Что ж, вон она, расплата за любовь!

Забыла сказать, что Бонни – бордоский дог, весит шесть-

десять килограммов, размер имеет с хорошего теленка, к тому же обладает холерическим темпераментом.

– Ты как? – из-за двери осторожно выглянул дядя Вася.

– Нормально, – вздохнула я, – только опять всю одежду стирать придется.

Дядя Вася молча пожал плечами.

С дядей Васей мы познакомились случайно – он очень помог нам с Бонни в трудной ситуации, а затем принялся нас опекать. Василий Макарович – бывший милиционер, сейчас на пенсии, но ему скучно играть в домино во дворе и смотреть телевизор, хотя коллеги и подарили ему на юбилей дорогую плазменную панель. Мы с ним очень успешно расследовали убийство, и дядя Вася решил податься в частные детективы. А что? Опыт работы у него огромный, кое-какие связи в органах имеются, ноги пока что ходят, голова думает, а если понадобится – то и колеса в наличии.

Откровенно говоря, ведро, на котором ездит дядя Вася, машиной назвать можно с большой натяжкой, но я держу свое мнение при себе – он очень трепетно относится к указанному транспортному средству. Меня дядя Вася обещал привлекать к своему бизнесу только в качестве бухгалтера – годовой отчет составить в конце года или еще что-нибудь.

Он оформил все необходимые документы и поместил объявление в газете. Пока, однако, никаких заказов не поступало. Я, как могла, подбадривала Василия Макаровича – он хо-

роший человек, к тому же у меня был свой расчет. Пока дядя Вася ничем не занят, я всегда могу оставить на него собаку.

Дело в том, что Бонни – очень трепетная натура. Несведущим людям кажется, что такую махину ничем не пробьешь, что он грубый и толстокожий, как носорог. Однако у Бонни нежная, легкоранимая душа. Он очень не любит быть один – сразу же впадает в меланхолию. Не подумайте, что пес лежит в темном углу комнаты и горестно вздыхает. Это было бы еще ничего. Нет, приступы меланхолии у Бонни проявляются по-другому. Он начинает носиться по квартире, круша все вокруг, налетая на стены и ломая мебель. Еще он воет.

И хотя стены в старом доме очень толстые, жуткий вой разносится по всему дому, и соседи реагируют на него точно так же, как жители Баскервиль-холла и окрестных деревень реагировали на вой собаки Баскервильей, то есть испытывают леденящий ужас.

Учитывая все перечисленное, я стараюсь не оставлять Бонни одного, мы всюду ходим вместе – на рынок за мясом, в магазин, на почту и в сберкаассу.

Но сами посудите, не могла же я взять его сегодня в суд! Кроме всего прочего, он очень плохо относится к моему бывшему мужу, может при встрече и покусать. Конечно, это приятно, но мне не нужны лишние неприятности.

Поэтому я вызвала с утра дядю Васю и поручила Бонни его заботам. Дядя Вася с ним прекрасно управляется – он разговаривает с Бонни о жизни, читает ему детские книж-

ки, пытался даже научить собаку играть в шахматы, но с тех пор как Бонни съел черного ферзя, занятия пришлось прекратить.

Поддерживаемая дядей Васей, я вползла в квартиру. Чудовище уже было там. Выполнив обязательную процедуру радостного облизывания, Бонни наконец уgomонился и разлегся посреди прихожей, чтобы мы об него спотыкались.

— Ну что? — не выдержал Василий Макарович неизвестности. — Как все прошло?

— Да как... — Я показала ему бумаги из суда. — Вот, теперь свободная женщина...

Голос мой дрогнул, и дядя Вася срочно принял меры.

— Вот что, тезка, — сказал он строго, — ты, главное, не распускайся. Что сделано — то сделано, все прежнее у тебя уже отрезано, теперь и рана быстро заживет.

Забыла сказать, что мы с дядей Васей и правда тезки: он Василий, а я Василиса. И хоть ничего особенного он мне сейчас не сказал, на душе полегчало.

Когда я вышла из ванной, дядя Вася суетился на кухне.

— Поешь, тезка, вот я картошечки сварил... рассыпчатая, просто объедение!

Я осознала, что ужасно хочу есть — утром только выпила чашку черного кофе, на нервной почве кусок в горло не лез, а сейчас уже дело к вечеру.

Дядя Вася вывалил в кастрюлю большущую банку тушен-

ки и тщательно размешал. Бонни негодуяюще взвыл – для чего портить мясо картошкой?

– Ты помолчи, для тебя свое приготовлено, – строго сказал Василий Макарович.

Если этот дог кого и слушается, то не меня, а у дяди Васи он шелковый. Вот что значит милиционер, пусть даже бывший! Как это у него получается?

– Как ваши дела? – спросила я осторожно. – Есть новости?

– Никаких, – Василий Макарович помрачнел. – Видно, зря я все это затеял с частными расследованиями.

– Нужно подождать! – как можно убедительнее сказала я. – Люди долго раскачиваются!

– Твоя правда! – повеселел дядя Вася.

Он погулял с Бонни и ушел. А я усилием воли выбросила из головы бывшего мужа, долгое ожидание в суде, связанные с этим депрессивные настроения, а также блондинку с ее переживаниями. И, как оказалось, зря.

Василий Макарович Куликов тяжело вздохнул и переставил старомодный телефонный аппарат с левого края письменного стола на правый. Потом еще немножко подумал, вынул из верхнего ящика новенький блокнот в солидной кожаной обложке и положил его ровно посередине стола.

Он вторую неделю давал в рекламной газете объявление: «Частный детектив с большим опытом работы поможет вам в разрешении любых проблем. Ваши проблемы – моя работа».

Текст он долго обдумывал, потом еще дольше обсуждал с дипломированным специалистом по рекламе и маркетингу. Тот взял с него за консультацию большие деньги (особенно по меркам небогатого Василия Макаровича) и уверял, что клиенты повалят косяком.

Но те отчего-то не появлялись.

То ли у наших соотечественников совершенно нет проблем, то ли они почему-то не хотели доверить их решение именно Василию Макаровичу, несмотря на его большой опыт работы, то ли рекламный текст был все же плохо продуман, то ли граждане ничего не понимают в рекламе...

Как бы то ни было, Василий Макарович уже всерьез подумывал о том, чтобы прекратить публикацию дорогостоящего рекламного объявления и заняться чем-нибудь более практичным и приземленным. Хотя чем еще может заняться одинокий милиционер на пенсии? Разве что выращивать огурцы и помидоры на дачном участке. Так до лета еще столько времени, а к тому же у Василия Макаровича и дачного участка не было...

Самое же главное – он скучал по настоящей работе, по той, к которой привык за многие годы, проведенные на службе защиты общественного порядка. Он не признавался даже самому себе, что хочет снова по крупице собирать улики и доказательства, опрашивать свидетелей, часами просиживать в засадах, преследовать подозреваемых...

Василий Макарович снова вздохнул, встал из-за стола и

прошелся по комнате.

Остановившись у окна, выглянул на улицу.

На улице было мрачно, уныло и безрадостно: то ли поздняя осень, то ли ранняя зима – то есть то тоскливое и неопределенное время года, которое в нашем городе длится обыкновенно семь-восемь, а то и девять месяцев в году.

Снег, выпавший на прошлой неделе, растаял без следа, и редкие прохожие торопливо проходили мимо дома, поднимая воротники плащей и пальто.

Вот возле подъезда остановилась дорогая черная иномарка. Дверца ее распахнулась, на тротуар выбрался высокий бритоголовый мужчина в короткой теплой куртке, настороженно огляделся по сторонам и скрылся в подъезде.

Василий Макарович машинально отметил, что прежде не видел бритоголового в своем доме. Он отошел от окна и снова оглядел свою комнату, которую тщательно прибрал и вынес из нее все лишнее, чтобы она производила впечатление рабочего кабинета.

Конечно, гораздо солиднее было бы снять отдельное помещение в каком-нибудь бизнес-центре, но такой расход Василию Макаровичу был не по карману.

Он заметил, что календарь на стене все еще открыт на ноябрьской странице, и хотел перевернуть его на декабрь, как вдруг раздался громкий и требовательный звонок.

Василий Макарович вздрогнул и бросился к двери.

На пороге стоял тот самый высокий мужчина, который

только что приехал на дорогой черной иномарке.

– Вам кого? – машинально осведомился бывший милиционер. Он не мог поверить в очевидное.

– Вас, – ответил незнакомец. – Если, конечно, это вы – частный детектив с большим опытом работы.

– Да, я! – Василий Макарович засуетился, помог клиенту снять куртку, провел его в свой кабинет и усадил в кресло. Сам сел за стол, открыл блокнот, взял ручку и солидно проговорил:

– Слушаю вас.

– У моей жены кто-то есть, – сообщил ему бритоголовый после короткого раздумья.

– В смысле – любовник? – уточнил Василий Макарович, сделав в блокноте какую-то пометку.

Он рассчитывал на что-то более волнующее, более интересное, более серьезное, чем вульгарная слежка за неверной женой. Например, на расследование кражи огромного бриллианта или документа огромной важности, но, в конце концов, лиха беда начало... важно, что у него появился первый клиент, а дальше дело пойдет...

– Ну да, ну да... – клиент достал из кармана большой клетчатый платок и вытер бритую голову. – Наверное, любовник. Вот вы и узнайте. Ведь это же ваша работа.

– Имя, адрес? – Василий Макарович выжидающе уставился на клиента, ручка зависла над страницей блокнота.

– Николай Эльдарович Ликопиди, – ответил тот и протя-

нул детективу паспорт.

– Я имел в виду имя и адрес вашей супруги, – проговорил Василий Макарович, однако паспорт взял и открыл на первой странице. С фотографии на него мрачно смотрел бритоголовый клиент, имя и фамилия соответствовали названным.

– Ну да, конечно... – Ликопиди на мгновение замешкался, затем произнес скороговоркой:

– Алла Евгеньевна Сотникова, улица Бакунина, дом шесть, квартира четыре... у нас с ней разные фамилии...

– Понятно... – Детектив вернул паспорт, записал координаты. – Будьте добры, ее фотографию.

Клиент порылся в кармане и наконец положил перед Василием Макаровичем маленькую черно-белую фотографию.

На фотографии можно было разглядеть молодую женщину с прямыми черными волосами и раздраженным, недовольным, капризным выражением лица.

– Это что – единственная, которая у вас есть? – с сомнением проговорил детектив.

– Алла не любит фотографироваться, – ответил Ликопиди.

– Ладно, – вздохнул Василий Макарович, – обойдемся... – И он перешел к обсуждению материальной стороны вопроса.

Василий Макарович закрыл за клиентом дверь и задумался. Точнее, не столько задумался, сколько с удивлением при-

слушался к собственным ощущениям. Ощущения были какие-то неприятные. Скверные, можно сказать, ощущения.

Казалось бы, пришел первый клиент, поручил обыкновенное, несложное дело, заплатил аванс.

Надо радоваться, засучивать рукава и приниматься за работу. Отрабатывать аванс и создавать своему детективному агентству достойную деловую репутацию. Но Василия Макаровича что-то беспокоило. Была во всем этом деле какая-то досадная неправильность.

Куликов был человек бывалый, опытный, и своим ощущениям привык доверять. Они не раз выручали старого милиционера на крутых поворотах жизненного пути. Поэтому дядя Вася вернулся в кабинет, снял телефонную трубку и набрал номер квартиры, расположенной на первом этаже его дома.

Собственно, это была не совсем квартира, а тесный полутемный закуток под лестницей, бывшая дворницкая. Там обитал одинокий инвалид Хабибуллин, зарабатывавший на жизнь срочным изготовлением ключей. Единственное окно своего жилища Хабибуллин превратил в витрину мастерской, через которую принимал заказы и выдавал готовые ключи. Это окно выходило на улицу возле самого подъезда, поэтому инвалид всегда знал, кто приходит в дом, кто и когда уходит, у кого из соседей гости, то есть, как говорится, держал руку на пульсе.

– Мастерская! – проговорил Хабибуллин, сняв трубку.

– Здоров, Ахметыч! – приветствовал его дядя Вася. – Это Василий Макарович с четвертого этажа.

– Салям аллейкум, Макарыч! Что, ключ сломал? Приноси, я тебе новый сделаю! Ты меня знаешь, мои ключи всякий замок легко открывают, как женское сердце!

– Да нет, не в том дело... Ты, Ахметыч, в окошечко-то выгляни. Сейчас из дверей мужчина выйдет, высокий такой, и голова бритая. Так ты глянь, в какую машину он сядет. Главное, если номера разглядишь, я тебе по гроб жизни благодарен буду!..

– Зачем по гроб? Не надо по гроб! Я тебе и так все скажу... – Хабибуллин подкатился в своем кресле к окну и проговорил, понизив голос. – Вышел тот мужик... садится в машину... записывай, Макарыч. «БМВ» третьей серии, номер УГУ – 383...

– Спасибо, Ахметыч, дай тебе бог здоровья! – И дядя Вася записал номер машины на чистой странице блокнота.

Свой объект Василий Макарович определил без труда. С самого утра поехал по указанному адресу на улицу Бакунина, подождал немного у подъезда, и вскоре оттуда вышла женщина, подходившая по всем статьям под описание. Была она высокая, стройная и темноволосая. Вроде бы и лицо похоже, но фотография слишком мелкая, и Василий Макарович на всякий случай подстраховался: подговорил двух шустрых девчонок лет по тринадцати, одна громко крикну-

ла: «Алла!», а вторая ей ответила, вроде бы это она. Девчушки засмеялись и убежали, а Василий Макарович успел заметить, что его фигурантка вздрогнула и дернулась было оглянуться, но потом взяла себя в руки и обернулась медленно, вроде бы случайно. И быстро, внимательно огляделась. А когда увидела, что это не ее зовут, торопливо зашагала вперед. Значит, никакой ошибки: это именно та дама, наблюдать за которой поручил ему клиент.

Надо сказать, госпожа Сотникова оказалась на редкость неудобным объектом. Ну куда, к примеру, ходят домохозяйки? В магазин и на рынок, в парикмахерскую и химчистку, а в основном сидят дома, потому и называют их так, что дома хозяйство ведут, телевизор смотрят, сериалы мексиканские или отечественные ток-шоу. Так что если направится куда-нибудь такая дамочка вся расфуфыренная – стало быть, наверняка на свидание. Потому что домой к себе она кого-то привести побоится – там старухи на лавочке всех мужчин как рентгеном просвечивают, и вечером муж еще до квартиры не успеет дойти, а ему уж все подробно доложат: кто к его женошке приходил, сколько времени гостил, и какие крики из квартиры раздавались, несмотря на то, что в магнитофоне Первый концерт Чайковского играл.

Или если, допустим, муж богатый, а жена молодая и красивая, то она все свободное время проводит в дорогих салонах красоты и фитнес-клубах, чтобы как можно дольше молодой остаться, а то муж бросит. Такая, если даже заведет

сердечного друга, то очень осторожной будет, поскольку неприятностей боится, однако и она рано или поздно проколется, только следить надо дольше.

А всего лучше, если объект работает. С утра она в свой офис торопится и там сидит безвылазно. И у сыщика главная задача – проследить, с кем она на обед ходит и куда после работы направляется. Как села в чужую машину – значит, тот тип, чья машина, и есть ее любовник. Бывает, конечно, что на работе умудряются встречаться – в кабинете закроются либо же в зале заседаний. Ну, тут уж кто-то из сотрудников обязательно в курсе окажется, так что нужно только этого человека обнаружить и разговорить.

Алла Евгеньевна Сотникова оказалась женщиной, не подходящей ни под какой из перечисленных типов. Со слов мужа, этого самого не слишком понравившегося Василию Макаровичу Николая Ликопиди, его жена нигде не работала. Однако дома тоже не сидела. Василий Макарович наблюдал за ней уже третий день и совершенно запарился.

Сотникова беспрестанно куда-то ходила – то бродила по торговому центру, примеряя одежду и рассматривая витрины, то заходила в кафе и рестораны – причем совершенно без всякой логики. Ну какой нормальный человек, съев вполне приличный ланч в японском ресторане на Среднем проспекте Васильевского острова, идет пить кофе в «Макдоналдс» тут же рядом?

Василий Макарович сунулся следом в ресторан в надеж-

де, что у нее там свидание. И промахнулся, потому что никто к Сотниковой не подошел, кроме официанта, и Куликову, чтобы не привлекать внимания, пришлось заказать суп и полусырую рыбу под остро пахнущим коричневым соусом. Суп тоже оказался барахлом – чуть теплая водичка с водорослями...

Вот жена, покойница, супы варила! У нее если борщ, то до того густой и наваристый – ложка стояла! А если грибной, то аромат по всей лестнице идет! А тут что за суп? Ни навару, ни вкуса, тухлой рыбой воняет, а деньги дерут за такой, с позволения сказать, обед непомерные! Хлеба не допросишься, чай подают только зеленый, словно веник в крутом кипятке запарили! Что с того, что веник не наш, а японский? Траву, она и есть трава...

Василий Макарович от такого чая с негодованием отказался, последние деньги на чашку кофе истратил – нормальный кофе, крепкий, с пеночкой, все как полагается. А она, вишь, в «Макдоналдс» за кофе потащилась, за каким, спрашивается, чертом? И снова никто к ней не подошел.

На следующий день все то же. То в офис зайдет туристический, то опять в ресторан. Дядя Вася уже ученый, следом не суется, из окошка посматривает. Да и что ходить-то? Все равно ни с кем она там не встречается. Ему что-то нужно клиенту предъявить? Мужика подходящего, да не абы в каком виде, а чтобы сразу было ясно, что Алла Сотникова с мужиком этим амуры разводит. Ну, целуются там, или по

коленке он ее гладит. А не то что двумя словами случайно в кафе перекинулась. Это не доказательство, от такого любая жена в момент отмахнется – дескать, посторонний человек спросил, как в библиотеку пройти или в отделение Пенсионного фонда! Но, судя по всему, пустой номер выпал с этой Аллой. Вот третий день отработает Василий Макарович, и можно будет клиенту отбой давать.

Но в конце дня ему повезло.

Забрела беспокойная дамочка в книжный магазин, что на улице Восстания. Там и книжек полные стеллажи понаставлены, и чай-кофе с пирожными подают, и девушка на арфе играет – все культурно. Пока Василий Макарович на арфу заглядывался, объект его свернул за стеллажи и скрылся.

Ну и набегался Макарыч по магазину! Проходы между стеллажами узкие да извилистые, как в лабиринте, ни одного продавца не найти, хоть кричи, как в лесу. Расстроился Василий Макарович, что потерял дамочку, пошел наудачу, да едва на нее не налетел. Стоит у кассы и по телефону разговаривает. Хорошо, рядом стойка расположена с маленькими книжками, так дядя Вася за ней незаметно пристроился и успел конец разговора услышать.

Условилась Алла Сотникова с кем-то встретиться в фитнес-клубе завтра. Так и сказала в трубку: там-то и там-то в полдвенадцатого, завтра. Только было Василий Макарович обрадовался, наконец-то и до дела дошло, а то сил больше нет впустую за беспокойной дамочкой по городу бегать.

И тут же мысль ему в голову запала: клуб-то небось женский, как он туда попадет? Да его дальше порога не пустят, поскольку вид у него для фитнес-клуба совершенно неподходящий. Крути не крути, а придется Василису к работе подключать, без нее никак не обойтись...

– Ну тетка, – дядя Вася просительно заглядывал мне в глаза, – ну что тебе стоит, зайди в этот клуб, повертись там немножко, погляди за этой Сотниковой, сделай пару-тройку снимков, только момент нужный подгадай...

Не то чтобы я не хотела помочь дяде Васе, просто решила немного поломаться, чтобы его проучить.

В свое время, когда моему другу Василию Макаровичу Куликову пришла в голову замечательная мысль заделаться частным детективом, я приняла это с воодушевлением. С одной стороны – мне, так или иначе нужна работа, а с другой – интересно. Мы тогда на пару с дядей Васей очень ловко раскрутили одно убийство, в котором главной подозреваемой выступала я. Сами понимаете, работала я не за страх, а за совесть.

Правда, Василий Макарович был твердо уверен, что все сделал исключительно он, а я просто вертелась под ногами. Самое интересное, что два его приятеля-мента, два бравых капитана Бахчинян и Творогов, тоже считали, что это они своевременным вмешательством повернули дело к успешному завершению, и Леша Творогов даже ненавязчиво требо-

вал от меня благодарности за спасение. Правда, в отличие от других мужчин, он не нагличал, вел себя скромно, и мой отказ принял как должное.

Вот интересно, а меня что, вообще в этом деле не было? Тогда уж пальму первенства нужно присудить Бонни, который здорово помог мне и даже был ранен, как говорится, при исполнении. Но Бонни нос не дерет и не смотрит на меня с некоторым пренебрежением, как остальные.

Так или иначе, дядя Вася ясно дал понять, что меня он использует в своей работе только для того, чтобы оформлять разные нужные бумаги, а с оперативной работой справится сам. У него, дескать, огромный опыт, сноровка, знания и умение. А у меня – ничего. Я тогда смолчала, но затаила обиду.

И вот, пожалуйста, – первое дело, а ему без меня уже не обойтись! Это радует.

– Ну ладно, – милостиво согласилась я, – допустим, я пойду в этот центр. Но вы подумали, как я туда проникну?

– Да как все, зайдешь – вроде бы на занятия записаться или еще чего... – пробормотал дядя Вася.

– Угу, – вздохнула я, – это же шикарное заведение для богатых женщин, а я кто?

– На тебе же не написано... – начал дядя Вася и замолчал, сообразив, что ляпнул не то.

– Как раз написано, – ядовито ответила я, – вернее, наде-то. А еще лицо, волосы, руки... Сразу видно, что я – не их

контингент. У них там народ опытный, фейсконтроль почище, чем в штаб-квартире ЦРУ. Опять же, не на дорогой машине приеду, а пешком приду. Ну да ладно, пойдем прото-ренным путем – скажу, что пришла к ним на работу устраиваться. К будущим сотрудникам они, наверное, относятся не так придирчиво, как к клиентам. Но только имейте в виду, если выгонят, я ни за что не отвечаю.

...К назначенному часу Василий Макарович отвез меня в нужное место.

– Вон она, – показал он на стройную женскую фигуру, вылезавшую из такси, – точно как часы. Ну ладно, я поеду, а то тут стоять мне не с руки – мигом вычислят.

И то верно: на стоянке паслись машины новые и дорогие, так что выдавший виды ржавый дяди-Васин «жигуленок» среди них очень выделялся, даже охранник высунул голову из будки, как будто никогда не видел такое чудо.

Над входом в приземистое трехэтажное здание ярко-розовым неоновым на золотистом фоне сияла вывеска: «Центр красоты и здоровья «Диана».

Сотникова подошла к крыльцу, огляделась по сторонам и скрылась за дверью «Дианы».

Я выждала буквально полминуты и ринулась следом.

За дверью оказался просторный холл, оформленный в той же золотисто-розовой гамме. Видимо, те, кто проектировал этот центр, именно такое сочетание цветов посчитали гла-

мурным. За невысокой стойкой скучала худенькая девушка с волосами, выкрашенными в те же гламурные цвета. Перед ней стоял включенный компьютер, на экране которого сонно жмурился огромный рыжий котяра. Повертев головой, я заметила спину Сотниковой, которая удалялась вправо по длинному коридору.

– Чем могу помочь? – осведомилась девушка за стойкой. – Вы хотите записаться в тренажерный зал или просто посетить СПА-процедуры?

В голосе ее я не заметила особой сердечности. Все ясно: как я и думала, они тут все опытные физиономисты, с первого взгляда умеют потенциального клиента определить. Иначе на работе держать не станут. Девушке все стало ясно, как только я вошла в холл. И спросила она меня просто потому, что центр красоты дорогой, посетителям хамить нельзя. Бывают же исключения – может быть, я богачка со странностями, как тот миллиардер в Штатах, что самолично свет гасит во всех комнатах и одевается на распродажах.

– Мне сказали, что у вас есть свободное место бухгалтера, – выпалила я, стараясь не потерять из виду свой объект.

– Тогда вам к Татьяне Сергеевне, – проговорила девушка, заметно поскуцнев, – Татьяна Сергеевна наверняка в курсе, а если уж она не в курсе, тогда я просто не знаю...

– Спасибо, – бросила я, не дослушав, и устремила след за Сотниковой, которая уж очень ходко припустила по коридору.

— Куда же вы! — крикнула мне вслед девица. — Татьяна Сергеевна в банкетном зале!

Но я ее уже не слушала, а девица побоялась оставить свой пост у стойки, так что меня никто не задержал.

Я неслась по коридору в ту сторону, где только что видела свой неуловимый объект.

Беда была в том, что Сотникова уже успела куда-то свернуть, и я не заметила, куда именно.

Миновав дверь, из-за которой слышались командные выкрики тренера и ритмичный скрип тренажеров, я немного убавила шаг.

Конечно, Алла могла скрыться и за этой дверью, но что-то мне подсказывало, что она прошла дальше. Во всяком случае, если у нее в этом центре назначено романтическое свидание, она подыщет для него менее людное помещение, чем тренажерный зал.

Из-за следующей двери доносилась жизнерадостная музыка — наверное, там занимались аэробикой.

Тоже не то.

Вскоре после этого коридор повернул влево. Я остановилась и осторожно выглянула из-за угла.

Впереди, метрах в десяти от меня, шла Сотникова.

Я тихонько скользнула за ней и успела заметить, как Алла толкнула дверь справа по коридору и скрылась.

Переждав еще полминуты, я последовала за ней.

Дверь, за которой она исчезла, была полуоткрыта. За ней

оказалась лестница, ведущая в подвальный этаж. Ну, это уже гораздо теплее – дама явно ищет уединения... Хотя, конечно, какие могут быть в подвале удобства для свидания. Но... ей виднее.

Я заглянула в лестничный пролет, убедилась, что там никого нет, и спустилась по лестнице. Здесь передо мной оказалась единственная дверь, которая тоже была не заперта. Я толкнула ее и оказалась в небольшом безлюдном помещении, посередине которого стояло несколько зеленых скамеек, а все стены занимали металлические шкафчики для одежды. Многие из них были открыты.

В дальнем конце раздевалки виднелась дверь, из-за которой доносился плеск воды – наверное, там находился бассейн или помещение для каких-то водных процедур.

Я не успела сделать и шагу, как эта самая дверь начала медленно открываться.

Первым моим побуждением было спрятаться. Действительно, попасть на глаза «объекту» вовсе не входило в мои планы. После этого на слежке можно будет поставить крест.

Я лихорадочно завертела головой в поисках какого-нибудь укрытия, но не нашла ничего, кроме уже упоминавшихся шкафчиков для одежды. Правда, на вид они были слишком малы для взрослого человека, но ничего лучшего поблизости не было.

Где-то я читала, что то ли пятнадцать, то ли шестнадцать американских студентов умудрились на спор втиснуться в

одну телефонную будку. Конечно, телефонная будка побольше, но я, по крайней мере, одна... Да еще в последнее время здорово похудела...

Раздумывать было некогда, я выдохнула и втиснулась в ближайший шкафчик.

Он был действительно очень узкий, и я с большим трудом сумела в нем поместиться. Прикрыв за собой дверцу, я поняла, что сильно погорячилась: дышать из-за тесноты почти невозможно. Я горячо посочувствовала американским студентам. Чего не сделаешь на спор? Но я-то за что страдаю?..

Однако делать нечего, и я замерла, задержав дыхание, прильнула к оставшейся щелке, чтобы разглядеть того, кто вошел в раздевалку.

Это оказалась именно она – Алла Сотникова, та самая особа, чью фотографию дал мне дядя Вася.

Алла прошла мимо моего убежища и остановилась, как будто кого-то поджидая. Теперь через щелку я уже не могла ее видеть, только по шагам и дыханию примерно определяла ее местонахождение. Вдруг скрипнула входная дверь, та самая, через которую я вошла пару минут назад. Я услышала тяжелые мужские шаги.

– А вы... вы кто? – осведомилась Алла напряженным голосом.

– Что это ты такая взвинченная? – ответил немного хрипловатый мужской голос. – А ты кого ждала?

Вряд ли здесь происходит романтическое свидание, но все

же для отчета дяде Васе нужно сфотографировать незнакомца. Пока, однако, я не могла даже разглядеть его из своего укрытия.

Я чуть-чуть изменила положение тела. Так мне хотя бы удалось вдохнуть, кроме того, у меня перед глазами оказалась узкая щель, через которую я могла видеть Сотникову. Точнее, только ее ноги в мягких ботинках из тисненой коричневой кожи.

– Уж всяко не вас! – раздраженно оборвала она мужчину.

– А может, как раз меня! – мужчина приблизился к Алле, теперь я видела и его ноги в черных кроссовках. – Может, я тебя тут ждал!

Нет, ноги в кроссовках – это слишком мало, чтобы установить личность человека...

– Да пошел ты... – начала Алла, но закончить эту фразу она не успела. Раздался какой-то странный звук, как будто раскололся орех, затем короткий всхлип. Потом что-то тяжелое упало на пол, входная дверь скрипнула, и все затихло.

Я замерла в своем шкафчике, боясь пошевелиться.

Секунды бежали за секундами, но ничего не происходило, и до меня не доносилось ни звука.

От неудобного положения все мое тело затекло и жутко ныло, кроме того, вдруг невыносимо зачесалось слева под лопаткой.

В раздевалке по-прежнему царила тишина, и я подумала, что, пожалуй, могу покинуть свое убежище – судя по всему,

и Сотникова, и ее неизвестный собеседник удалились, чтобы продолжить выяснять отношения где-то в другом месте.

Выбраться из шкафчика оказалось гораздо сложнее, чем втиснуться в него. Наверное, в тот момент я находилась в состоянии стресса, а в этом состоянии человек творит просто чудеса. Теперь же оказалась один на один с законами физики, и собственное тело никак не хотело слушаться. Я застряла, как пробка в бутылочном горлышке.

Я уже подумала, что обречена остаться в этом шкафу навсегда, как вдруг в правом плече что-то щелкнуло, сместилось, и мне удалось высвободить руку. Дальше дело пошло успешнее, и через минуту я была на свободе.

Отдышавшись и размяв онемевшие конечности, я наконец огляделась по сторонам.

В первый момент мне показалось, что в раздевалке ничего не изменилось, и я в ней по-прежнему одна. Но затем я заметила на полу за зеленой скамейкой ботинок тисненной коричневой кожи. Точно такой же, как те, которые я видела на ногах Аллы Сотниковой.

Видимо, от перенесенного стресса, от тесноты в шкафчике и от удушья соображала я довольно плохо. При виде коричневого ботинка я не испытала ничего, кроме удивления, и обошла скамейку, чтобы разглядеть его как следует.

И вот тут-то мне стало по-настоящему худо.

На полу за скамейкой валялся не один коричневый ботинок, а оба.

И в ботинках были ноги.

Да и вся остальная Алла Сотникова находилась тут же, только не подавала никаких признаков жизни.

Она лежала на кафельном полу, уставившись в потолок широко открытыми глазами.

Но самое странное было даже не это.

С Аллой что-то было явно не так.

Только через несколько мучительно долгих секунд я поняла, что именно.

Я следила за ярко выраженной брюнеткой. И на фотографии, которую дал мне Василий Макарович, у Аллы были прямые черные волосы, и сегодня он указал мне на высокую, хоть и в ботинках без каблуков, женщину с пышными черными волосами.

А у этой дамы, что лежала передо мной на полу, волосы были светлые и слегка вьющиеся. Только в одном месте, слева, они были немножко темнее.

Но это еще не все.

Эта самая блондинка была мне, несомненно, знакома. Я где-то ее уже видела.

Только оглядевшись по сторонам, я увидела на полу в шаге от ее головы что-то темное и пушистое. В первый момент я подумала про невесть откуда взявшуюся черную кошку, но взгляделась внимательнее и поняла, что это – парик, который свалился при падении. И еще я поняла, что женщина у моих ног – та самая высокомерная блондинка, которую я три

дня назад повстречала в суде. Та самая, которая чуть позже горько рыдала у меня на плече, та самая, которую я утешала в меру своих скромных способностей...

Но тогда – тогда кто же она такая? Во всяком случае, не жена нашего заказчика... ведь тогда, в суде, она разводилась с совершенно другим человеком. И она, по ее собственным словам, с ним уже развелась, так что сейчас, во всяком случае официально, не замужем... И фамилия ее была не Сотникова, я точно помню...

Или за несколько прошедших дней она уже успела снова выскочить замуж?

Теоретически это возможно. Но она должна была не только успеть снова выйти замуж, но еще и завести нового любовника... ну и темпы!

Я опустила на корточки, прикоснулась к ее щеке и проговорила жизнерадостным тоном:

– Эй, подруга! С тобой все в порядке?

Так почти в каждом американском фильме спрашивают человека, попавшего под двадцатитонный грузовик или свалившегося с семьдесят шестого этажа небоскреба.

И каждый уважающий себя американец, складывая разбитое лицо в мужественную улыбку, отвечает: «Я в порядке, а ты?»

Но эта дама явно не была героиней американского боевика.

Она мне ничего не ответила, даже глазом не моргнула.

Тогда я как следует хлопнула ее по щеке, чтобы привести в сознание.

Ее голова с сухим стуком перекатилась по кафелю, развернувшись ко мне левым виском – тем самым, на котором волосы заметно темнее остальных.

И только тут до меня дошло, что волосы на виске потемнели от крови. И что эта кровь образовала на полу под головой основательную лужицу. А виска как такового, можно сказать, вообще не было. Эта часть головы была вмята внутрь, как у сломанной пластмассовой куклы. С той разницей, что куклы не истекают кровью.

И блондинка не отвечает мне и не подает никаких признаков жизни по одной-единственной и самой уважительной из всех причине – по причине смерти.

Я смотрела на нее в полной растерянности, и этот факт постепенно раскрывался передо мной во всей своей неприглядности.

Она была мертва, мертва стопроцентно, стопудово, как любил выражаться мой бывший муж. Я перевела взгляд с ее окровавленной головы на свою руку – и увидела на своих пальцах кровь.

И тут до меня дошел еще один поразительный факт.

Блондинка на полу не просто мертва. Она убита. И я сейчас сижу на корточках возле ее трупа. И ее кровь на моей руке. Так что если сейчас сюда кто-нибудь войдет – мне будет не оправдаться. Всякий нормальный человек ни на секунду

не усомнится, что это я ее убила.

Но я-то знаю, что ее убил тот мужчина, с которым она здесь разговаривала...

Беда только в том, что мне никто не поверит. Ни один нормальный человек.

Я и сама-то себе не очень верила. Ведь я даже не знаю, как он выглядел, — я успела разглядеть только ноги в черных кроссовках...

Прочь, прочь отсюда! Скорее назад, к дяде Васе! Он опытный, он мне непременно поможет... Но я тут же представила его расстроенное лицо — мол, поручил проследить за объектом, а ты не уследила, убили женщину прямо у тебя под носом. Ну, что делать, ясно же, что ни к чему не пригодна...

Нет, я должна доказать ему, что тоже на что-то гожусь.

Я остановилась на полдороге, заставила себя снова присесть на корточки и сделать несколько снимков тела. Было ужасно страшно, руки тряслись, так что, когда я вынимала из сумочки фотоаппарат, выпала косметичка. Снимки получатся некачественные, но уж это неважно. Лучше такие, чем никаких. Мелочь с полу я собрала не глядя, не в силах оторвать глаз от мертвого лица.

Вдруг та самая дверь, в которую вошла Алла, стала со скрипом приоткрываться.

Я вскочила, как подброшенная пружиной, и стрелой вылетела из раздевалки.

Но вместо лестницы, по которой я спустилась несколько

минут назад (неужели с тех пор прошло всего несколько минут?), вместо этой лестницы передо мной оказалась дверь лифта, от которой в сторону уходил длинный полутемный коридор. Наверное, я все-таки вышла из раздевалки через другую дверь...

Раздумывать было некогда. Я нажала на кнопку лифта.

Где-то наверху загудел мотор, кабина спускалась за мной.

Вдруг сбоку, в том коридоре, который уходил в неизвестность, хлопнула дверь, и оттуда вышел коренастый мужчина средних лет с густыми кустистыми бровями. Он скользнул по мне равнодушным взглядом и остановился рядом, тоже дожидаясь лифта.

Кабина остановилась, двери разъехались, я шагнула внутрь, нажала на кнопку первого этажа. Мужчина вошел следом за мной.

Я машинально опустила глаза...

И похолодела.

На ногах у него были черные кроссовки. В точности такие, как те, что я видела, когда пряталась в шкафчике. Как у убийцы. Значит, это он и есть?! И сейчас наверняка поймет, что я вышла из раздевалки, значит, видела его там... поймет и расправится со мной, как только что расправился с той женщиной...

Я вжалась спиной в стенку лифта.

– Девушка, вам нехорошо? – участливо проговорил мужчина.

Голос... кажется, голос не тот. Впрочем, я ни в чем не уверена.

– Мне... мне просто душно, – ответила я, с трудом справившись с собственным голосом.

– Бывает... – проговорил он в ответ. – Некоторые плохо себя чувствуют в подвале. Как-то это называется...

– Клаустрофобия, – ответила я.

Умное слово само собой выскочило из памяти, как купюра из банкомата.

Лифт подъехал к первому этажу, остановился, двери плавно разъехались.

Я поспешно выскользнула наружу и прямо в дверях лифта налетела на высокого, довольно симпатичного парня в темно-зеленом спортивном костюме.

– Куда вы так спешите? – проговорил он, снисходительно улыбаясь и поддерживая меня за локоть. Явно я произвела на него впечатление чокнутой.

А я... я опустила глаза и увидела у него на ногах черные кроссовки.

Страх накатил ледяной волной, мне показалось, что я – жертва кораблекрушения и барахтаюсь теперь в водовороте вместе с обломками корабля и разного мусора, и последняя шлюпка мелькает далеко на горизонте. Кто не поместился – все утонули, и меня ждет та же участь...

– Девушка, вам плохо? – услышала я как сквозь вату встревоженный голос парня.

Нет, так нельзя, в конце концов, здесь все-таки спортивно-оздоровительный центр, все мужчины ходят в кроссовках, и у каждого второго они черные.

А я веду себя глупо, теперь эти двое непременно запомнят ненормальную встрепанную девицу с безумными глазами, что выбежала из раздевалки. А когда в раздевалке найдут труп Аллы Сотниковой или как там ее звали на самом деле, все укажет на меня... Нет, нужно бежать отсюда немедленно!

– Извините, – пискнула я и припустила прочь по коридору.

Мне повезло – девица за стойкой занималась с клиенткой, симпатичной толстушкой, завитой под пуделя. Служащая расписывала ей все прелести центра «Диана», а толстушка слушала с глупо-восторженным выражением лица. Одета она была дорого, но не то что безвкусно, а как-то бестолково, чувствовалось, что вещи куплены торопливо и бездумно, как будто деньги у дамы появились только вчера. В лотерею выиграла или наследство получила?

Все это я подумала, бросив один взгляд на стойку, и пересекла холл, стараясь не бежать, чтобы не привлекать внимания охранника. И так уже достаточно примелькалась!

Разумеется, дяди-Васиной машины на стоянке не было. Да я сама его отправила, чтобы не мелькал тут со своим ржавым корытом среди «Мерседесов» и «Ауди».

Осознав этот факт, я отнюдь не успокоилась, а еще больше

разозлилась на дядю Васю. Так меня подставить!

Где-то в глубине души мелькнула мысль, что он-то как раз не виноват, скорее это его подставили, втянули в криминальную историю, потому что клиентка оказалась темной личностью, но я безжалостно подавила в душе потуги к справедливости.

Из-за перенесенного стресса у меня из головы совершенно вылетело, как мы условились с Василием Макаровичем о встрече. Вроде бы он что-то говорил мне на прощанье...

А, провались оно все! Нужно скорее смыться отсюда, пока меня не начали искать!

Я махнула рукой проезжающей маршрутке, которая шла в сторону дома.

Бонни встретил меня в прихожей. Он не выл и не бросался ко мне с поцелуями, просто стоял и вопросительно смотрел.

– Ах, дорогой! – вздохнула я. – Ну отчего я вечно влипаю во всякие неприятности?

«Это потому, что ты никогда не берешь меня с собой!» – просигнализировал он глазами.

– Ой, не начинай! – раздраженно отмахнулась я.

Бонни не обиделся, он легонько боднул меня головой в бок и потерся щекой о мою руку.

– Только ты меня любишь! – оттаяла я, плюхнувшись на коврик.

Бонни тотчас опустился рядом и положил свою огромную

голову мне на колени (больше туда ничего не помещалось). Я обняла его за шею и затихла.

Через некоторое время я ощутила легкий дискомфорт: в спину дуло из входной двери, и ноги затекли от тяжести. Однако на душе стало чуть полегче. Все-таки Бонни умеет успокоить, этого у него не отнимешь.

С трудом спихнув с колен тушу, пристроившуюся, кажется, поспать, я поднялась и решила принять душ.

Когда я вышла из ванной, в квартире был дядя Вася, я сама давала ему ключи, чтобы навещал Бонни.

Но вот как он узнал, что я дома? Может, он научил собаку разговаривать по телефону?

– Ты чего это? – спросил дядя Вася. – Договорились же, что передашь мне объект...

Заглянув мне в глаза, он поостерегся продолжать. Я отвернулась и прошла на кухню. Дядя Вася понуро тащился следом, а замыкал шествие Бонни, который всегда должен быть в самой гуще событий, особенно, если эти события происходят на кухне – заодно можно устроить внеочередной перекус.

Бонни никогда не клянит еду. Конечно, холодильник он открывать не умеет, однако со стола может съесть все, что угодно, – просто положит морду и жует. Такие понятия, как хорошее воспитание и дрессировка, этой собаке недоступны.

Или разляжется посреди кухни с самым невинным видом и растопырит лапы. Рано или поздно я спотыкаюсь и роняю

еду на пол. То есть, конечно, не на пол, а в услужливо подставленную пасть размером с хороший дорожный чемодан.

– Ну, тетка, что произошло? – спрашивал дядя Вася. – Отчего ты сбежала?

Я молча положила на стол цифровой фотоаппарат. Василий Макарович неуверенно повертел его в руках – он не слишком ладит с современной техникой. Я сама нажала все кнопки, и на экране появился первый снимок Аллы. Дядя Вася сощурился, поднес фотоаппарат к глазам, потом отставил как можно дальше...

– Ёшь твою налево! – закричал он. – Да что ж такое?

Затем он быстро стал просматривать кадры вперед, потом назад, потом оставил фотоаппарат и вытер пот со лба.

– Ну и ну! – сказал он. – Василиса, можешь ты наконец сказать, что случилось?

Бонни сидел возле закрытого холодильника и трогал ручку лапой. Причем совершенно напрасно, поскольку нам с дядей Васей было не до еды.

Тихим монотонным голосом я рассказала, как выследила Аллу в раздевалке, как спряталась в шкафчике, как слышала короткий разговор с женщиной, как увидела ноги в черных кроссовках, а потом услышала не то крик, не то всхлип. И все стихло, а когда я с трудом вылезла из тесного шкафчика, то обнаружила женщину на полу мертвой. Снимки прилагаются.

– Вот, значит, как... – бормотал дядя Вася, – вот какое у

нее было свидание. Ах я старый дурак! Ведь чуял же, что дело нечисто, ну никак не похожа она была на дамочку, которая от скуки любовь крутит! Ходит всюду одна, шифруется, парик надела... от кого пряталась?

Тут я вспомнила, что узнала в убитой женщине ту самую блондинку, которую видела в суде. И только было собралась рассказать о том дяде Васе, как у него зазвонил мобильник.

– Да! – рявкнул он в трубку. – Слушаю!

И тут же на глазах побагровел от гнева.

– Что не докладываю? – рявкнул он. – Черта ли тебе докладывать! Какой отчет о проделанной работе? Ты, гад, во что меня втянул? Ты мне кого подсунул? Жена, говоришь? Ври больше! Да никакая она тебе не жена, ты меня как лоха развел! Шлепнули твой объект в центре «Диана», ищи ее в морге!

В ответ в трубке раздался такой мат, что даже я расслышала. И тип отключился.

– Сволочь! – Дядя Вася был такой красный, что я испугалась, как бы его не хватил кондрашка.

– Выпейте водички! – подскочила я со стаканом, но он отмахнулся и стал набирать номер.

– Отключен, – он в раздражении бросил мобильник на стол. – Ну, я его достану!

– Это вряд ли... – процедила я. – Если он сам не захочет с вами общаться, то просто выбросит этот аппарат. Небольшая потеря. Да и зарегистрирован он небось на подставное

лицо. Скорее всего, на какого-нибудь бомжа. И вообще, зачем этот тип вам нужен? Если хотели узнать, в чем там дело, незачем было ему про убийство сразу выбалтывать. Надо было придержать информацию.

– Ты права, – дядя Вася смотрел виновато, – очень я разо-
злился, себя не сдержал. Что теперь делать?

– Да ничего не делать, забыть все это. Не станет же он
аванс обратно требовать?

Было видно, как расстроен Василий Макарович. Первое
его дело как частного детектива – и вот такой скверный слу-
чай. Опасаясь, что я стану выговаривать ему и воспитывать,
он поскорее ушел домой. Я не стала возвращаться к разго-
вору о блондинке – пускай он немного успокоится, телеви-
зор посмотрит или склеит очередную модель танка или бро-
нетранспортера.

Однако, придя домой, Василий Макарович не стал смот-
реть телевизор, клеить модели или заниматься другими ви-
дами трудотерапии.

Он снял трубку телефона и набрал хорошо знакомый но-
мер родного отделения милиции.

Его очень беспокоило убийство. Особенно же его беспо-
коило то, что он втянул в расследование Василису, и та ока-
залась не в то время и не в том месте. То есть запросто могла
попасть в число подозреваемых. Конечно, у нее не было ни-
какого мотива, но мотив – дело десятое, всегда что-нибудь

найдется. На крайний случай сгодится так называемая бытовая ссора.

Поэтому дядя Вася хотел, как говорится, держать руку на пульсе и в случае чего принять своевременные меры.

Ответила ему дежурная, лейтенант Гвоздикова. Голос ее звучал строго и холодно, как и должен звучать голос дежурной. Ведь не в кукольном театре работает!

– Привет, Дарья! – обратился к ней дядя Вася. – Куликов говорит!

– Ой, Василь Макарыч! – потеплел голос лейтенанта. – Что, соскучились по своим? Ну, как на пенсии?

– Да что тут хорошего? Вот, частным детективом теперь работаю...

– Прямо как в кино!

– На кино не очень похоже. Ты вот, Дашутка, мне скажи не в службу, а в дружбу – у кого в разработке труп из фитнес-центра «Диана»?

– Что? – удивленно переспросила Дарья. – Какой труп?

Василий Макарович осекся на полуслове. Что же, выходит, он опять поспешил? Труп еще не нашли, а он уже сунулся со своими расспросами? Теперь попробуй объясни, откуда у тебя информация?

И, как будто подслушав его мысли, Гвоздикова, понизив голос, спросила:

– А вы, Василь Макарыч, откуда про этот труп знаете? Ребята, что ли, трепанули?

– Ну, да... гм... ребята... – пробурчал он уклончиво, думая, как выкрутиться.

Однако что-то в голосе Гвоздиковой показалось ему странным. Дарья как будто давилась от смеха. Не говорят так про убийство, даже когда много лет в милиции отработают, а Гвоздикова еще молодая, не успела заостенеть...

– Да... ребята... – повторил он, стараясь потянуть время.

И тут Дарья приснула:

– И мне Димка Пастушков натрепал, практикант... надо же, какая история... ну, вы-то никому не расскажете?

– Могила!.. – хрипло проговорил Василий Макарович.

– Это мы еще поглядим! – бормотала Нинель Леонидовна, размешивая в красном пластмассовом ведре недорогое, резко пахнущее моющее средство. – Это мы еще разберемся, кто кого перекукует! У, стерва худосочная!

Клиентка фитнес-клуба, крупная дородная дама средних лет, испуганно взглянула на уборщицу и выскочила из туалета, недомыв руки и недолюбовавшись своим отражением.

Впрочем, как нетрудно догадаться, слова Нинели Леонидовны относились вовсе не к этой клиентке. Относились они к ее собственной невестке Светлане, к жене ее единственного и горячо любимого сына Володечки.

Светлана была хрупкая, тонкая, полупрозрачная особа с нежным цветом лица, голубыми кукольными глазами и длинными светлыми волосами того удивительного оттенка,

который обычно называют платиновым. Впрочем, трогательная беззащитная внешность была обманчивой: Светлана работала стоматологом, и коллеги обращались к ней в тех случаях, когда требовалась недюжинная сила и поистине мужская решимость. Твердой, недрогнувшей рукой Светлана без колебаний удаляла самые сложные, проблемные зубы.

Столь же обманчивым было в ней все. Так, волосы Светлана красила, от природы она была брюнеткой.

Но Нинель Леонидовна ненавидела невестку не за ее профессиональные достоинства и даже не за обманчивость внешности. Она не сомневалась, что Светлана направо и налево изменяет дорогому сыночку. Изменяет с коллегами-стоматологами, изменяет с зубным техником Рубидисом, изменяет с клиентами, обладателями запущенного кариеса и пародонтоза, изменяет с бывшими одноклассниками и даже с совершенно случайными знакомыми.

Не раз свекровь чуть не заставляла подлую невестку на месте преступления. Она нарочно пораньше возвращалась из фитнес-клуба, где работала уборщицей, и отчетливо чувствовала в квартире признаки недавнего присутствия постороннего мужчины. Наверняка хитрая Светлана вывела очередного любовника из квартиры за пять минут до прихода свекрови... один раз Нинель Леонидовна даже нашла на кухне окурочек «Мальборо» и хотела предъявить его своему доверчивому, наивному сыну – но окурочек непостижимым образом исчез, а Светлана в ответ на обвинения только сделала

страдальческие глаза и тяжело вздохнула – мол, каких только напрасных оскорблений ей не приходится терпеть ради мира в семье!

И сын, этот глупый, доверчивый человек, всегда вставал на сторону жены! Он пытался убедить Нинель Леонидовну, что у нее галлюцинации, и даже предлагал ей обратиться к невропатологу...

Известное дело – ночная кукушка дневную перекукует!

– Ну, ничего, – повторила уборщица, протирая шваброй кафельный пол перед входом в раздевалку. – Мы еще посмотрим... он еще поймет, что мать у него одна, добра ему желает...

Нинель Леонидовна открыла дверь, поставила ведро на пол, окунула в него швабру и продолжила свою работу. Она широким круговым движением прошлась по полу раздевалки, обогнула скамейку...

На кафеле темнело какое-то огромное, подсыхающее пятно.

– Да что же они тут разлили! – раздраженно пробормотала уборщица. – Вино, что ли? Насвинячат, а мне убирать... да за такие гроши...

Она потянулась шваброй к отвратительному пятну... и попятилась в ужасе: прямо перед ней на полу лежала мертвая женщина.

И то пятно, которое она посчитала разлитым портвейном, была кровь, растекшаяся вокруг ее разбитой головы.

В первый момент уборщице показалось, что перед ней ненавистная невестка Светлана. Но уже через секунду она поняла, что выдает желаемое за действительное: у мертвой волосы, хотя и светлые, были совершенно другого оттенка и заметно короче, да и сложение не такое хрупкое, как у Светланы. Кроме того, она была постарше.

Впрочем, все эти соображения промелькнули лишь в глубине сознания несчастной Нинели Леонидовны. Она завопила диким голосом и стремглав вылетела из раздевалки, взбежала по лестнице с резвостью, невероятной для женщины ее возраста, пронеслась по коридору, чуть не сбив с ног тренера по аэробике, и остановилась только перед стойкой регистрации.

– Там!.. – выкрикнула она, округлив глаза и разинув рот, как выброшенная на берег рыба. – Там!..

– Нинель Леонидовна, дорогая, что с вами? – всполошилась девушка-администратор за стойкой. – Вам плохо?

– Мне?! – воскликнула уборщица, сложив руки. – Мне-то ничего, а вот ей...

– Да кому ей? – безуспешно допытывалась девушка. – Что случилось-то?

Нинель Леонидовна взяла себя в руки и вполне отчетливо произнесла:

– В раздевалке перед бассейном женщину убили!

– Как?! – администратор схватила за лицо, ее разноцветные волосы встали дыбом. – Как – убили? Что значит –

убили?

– Убили – значит, убили! Насмерть! Голову разбили! – прошептала уборщица, придвинувшись к собеседнице. – Кровищей всю раздевалку залили!

– Не может быть! – девушка последовательно покраснела, побледнела и снова покраснела. – У нас, в «Диане» – убийство? Не может быть!

– Не может?! – голос Нинели Леонидовны окреп. Ей снова не верили! Ну, на этот раз она им докажет!

– Не может быть? – повторила она. – Ну, пойдем, сама увидишь! Кровищей все залито...

– Не надо... – администратор снова побледнела и попятилась. – Я вам верю... что же делать?

– Милицию вызывать! – строго и авторитетно проговорила уборщица.

И девушка-администратор нарушила главную и самую строгую заповедь, которую ей неоднократно вдалбливала хозяйка «Дианы» Римма Федоровна.

Римма Федоровна повторяла раз за разом, чтобы в случае любого непредвиденного происшествия, так называемого форс-мажора, администратор и остальные служащие вызывали не милицию, не МЧС и даже не пожарную команду, а ее саму, хозяйку.

– Я вам и МЧС, и пожарные, – вдалбливала подчиненным Римма Федоровна. – Сперва звоните мне, а я уж сама решаю, что делать!..

Но сейчас под влиянием испуга девушка с разноцветными волосами забыла все эти наставления и позвонила по телефону ноль два.

– Милиция, – почти сразу отозвался строгий женский голос.

– Приезжайте! – пискнула администратор. – У нас человека убили... женщину!

– Где это – у вас?

– В центре красоты «Диана»... – И девушка продиктовала адрес.

Как ни странно, милиция приехала очень быстро, минут через десять трое мрачных мужчин ввалились в золотисто-розовый холл. Тот сразу стал тесным и гораздо менее гламурным.

– Где тут у вас труп? – осведомился старший. – Кто обнаружил?

– Вот... вот она! – и администратор дрожащим пальцем указала на Нинель Леонидовну.

– Показывайте!

Нинель Леонидовна, преисполнившись чувством собственной значимости, повела милиционеров по коридору, по лестнице. Однако перед роковой дверью раздевалки она остановилась. Сердце ее снова забилося от страха, руки задрожали.

– Вы... вы откройте сами!.. – робко обратилась она к мрачному милиционеру. – Она там... на полу...

– Нет проблем, – милиционер распахнул дверь, вошел внутрь, вслед за ним втянулись его молчаливые коллеги.

Несколько секунд из раздевалки не доносилось ни звука, и Нинель Леонидовна, в душе которой страх боролся с любопытством, не выдержала и тоже вошла внутрь.

Милиционеры стояли живописной группой и смотрели на нее. Причем выражения лиц у них были очень странные.

Собственно, очень странным было уже то, что они смотрели на нее, пожилую скромную уборщицу, а не на мертвую женщину, из-за которой приехали.

– Ну, и как это понимать? – спросил наконец старший.

Затем он повернулся к одному из своих спутников и спросил:

– Кривошеев, сегодня какой день?

– Понедельник, – ответил тот, не задумываясь. – Судя по тому, как башка трещит.

– Нет, какое число и какой месяц?

– Десятое декабря, до получки еще три дня...

– Значит, точно не первое апреля. А вот женщина нас решила разыграть. Вы, женщина, странно так шутите.

– Я?! – удивилась Нинель Леонидовна.

– А кто – Пушкин? Где же ваш труп?

– Как – где? – Нинель шагнула вперед и показала на пол за скамейкой. – Вот... здесь...

– Кривошеев, ты видишь труп? – строго осведомился старший группы.

– Нет, – дисциплинированный Кривошеев замотал головой и поморщился от боли.

– А ты, Пастушков, видишь? – старший повернулся к третьему, молоденькому пареньку с девичьим румянцем во всю щеку.

– Никак нет, – смущенно отозвался тот.

– Вот видите – мы с Кривошеевым не видим никакого трупа, Пастушков практикант, у него глаза молодые, и организм не измучен тяжелыми трудовыми буднями и еще более тяжелыми праздниками, но он тоже не видит!..

Нинель Леонидовна и сама не видела никакого трупа. Там, где двадцать минут назад лежала мертвая женщина, сейчас было совершенно пусто. Больше того – кафельный пол совершенно чист, на нем нет следов крови...

– Не может быть! – прошелестела Нинель Леонидовна, прислонившись к стене. – Он был, был... то есть она... и кровь... здесь все было забрызгано кровью, как... как на мясокомбинате!

– Ничем не могу вам помочь! Мы не видим ни трупа, ни крови. Так что в следующий раз, когда захотите пошутить, вызывайте лучше МЧС. Они вроде посвободнее, и с юмором у них получше, а у нас и без ваших шуток дел хватает...

– Но я... но она... – бормотала уборщица, переводя взгляд с милиционеров на пол и обратно. Но ее уже никто не слушал.

Зато в дверях раздевалки появилась хозяйка центра Рим-

ма Федоровна. Она смотрела на Нинель Леонидовну многообещающим взглядом. Губы ее, и так всегда неприязненно поджатые, вытянулись и вовсе в узкую малиновую ниточку.

Старший милиционер опытным глазом узнал в ней начальника и проговорил скучным голосом:

– Значит, ложный вызов... как разбираться будем? У нас, между прочим, с преступностью полный зарез, одних убийств нераскрытых четыре штуки висят, а мы тут у вас время драгоценное тратим...

– Не волнуйтесь, ребята! – заворковала Римма. – Сейчас ко мне поднимемся и все урегулируем... в смысле, компенсируем...

Милиционеры потянулись к выходу. Римма задержалась в дверях, обожгла Нинель Леонидовну полным ненависти взглядом и процедила сквозь плотно сжатые губы:

– Чтобы я тебя больше у нас не видела! Ты уволена со вчерашнего дня и без выходного пособия!

Несчастливая уборщица осталась одна.

Она еще несколько минут тупо смотрела на пол – туда, где совсем недавно лежал труп неизвестной блондинки... или не лежал? Или ей это только померещилось?

Неужели Володечка прав и у нее действительно начались галлюцинации?

Нинель Леонидовна еще раз внимательно оглядела пол – плитку за плиткой.

Пол был чистым, подозрительно чистым. Ведь она его се-

годня не протираля...

Уборщица принялась и почувствовала легкий, едва ощутимый запах моющего средства – не того дешевого, который покупала сама, а дорожущего, немецкого... завхоз центра Михалыч выделял ей деньги на покупку именно такого, но экономная Нинель покупала дешевый хлорный состав, а лишние деньги припрятывала.

Так что же это значит?

Она боялась додумывать мысль до конца. Да и вообще – кто ей теперь поверит? Нинель Леонидовна и сама-то себе уже не верила...

Важнее было другое.

Римма выставила ее с работы, значит, нужно срочно подыскивать другое место, потому что на ее пенсию просуществовать невозможно, а обращаться за каждой мелочью к Володечке, то есть, считай, к Светлане – нож острый...

Бормоча что-то себе под нос, она отправилась наверх. Там, в маленьком чуланчике позади приемной, она хранила свою городскую одежду и кое-какие мелочи. Теперь все это нужно забрать – ведь в фитнес-центр ее больше не пустят...

Нинель Леонидовна открыла чуланчик, стащила форменный розовый халат с логотипом фитнес-центра, повесила на крючок. С соседнего крючка сняла свое неказистое стеганое пальтишко унылого светло-крысиного цвета...

И увидела в углу чулана прислоненный к стене огромный мешок из плотной желтоватой бумаги. В таких пакетах,

только поменьше, продают древесный уголь для шашлыков и другие тяжелые пачкающиеся вещи.

– Ничего не знаю, – проговорила Нинель Леонидовна, прижимая к себе пальто. – Ничего не знаю и знать не хочу! И совершенно не интересуюсь, откуда здесь этот мешок и что в нем такое!..

Тем не менее она не могла оторвать взгляд от подозрительного мешка и даже потянулась к нему рукой.

В мешке было явно что-то очень тяжелое. Он привалился к стене чуланчика и, казалось, в любую минуту может упасть набок. Но не падал.

Плотная желтая бумага смутно обрисовывала форму предмета, находящегося в мешке, и этот предмет удивительно напоминал человеческое тело.

– Ничего не хочу видеть! – пробормотала отставная уборщица, но ее рука сама по себе дотянулась до мешка и чуть-чуть приоткрыла его.

И тут же отдернулась. Потому что из мешка на нее смотрел мертвый глаз той самой блондинки, которую она видела в раздевалке...

– Что же это такое... – проговорила Нинель Леонидовна плачущим голосом. – Выходит, и правда у меня начались эти... галлюцинации? Нет, ничего не вижу и ничего не хочу знать!

Она поспешно натянула пальто, с трудом попав в рукава, покидала в пакет свои пожитки и торопливо покинула фит-

нес-центр.

Проходя мимо стойки регистрации, она смотрела в пол и тихо, монотонно бормотала:

– Ничего не вижу, ничего не знаю, ничего никому не скажу!...

Девушка-администратор проводила ее удивленным взглядом и повертела пальцем у виска.

На следующее утро Василий Макарович Куликов тяжело вздохнул и неприязненно покосился на телефонный аппарат. Этот вздох и этот взгляд значили следующее: как раз сегодня нужно было связаться с рекламной газетой, чтобы продлить публикацию злополучного объявления. «Частный детектив с большим опытом работы поможет вам в решении ваших проблем...»

Продлить или не продлевать?

Кто поможет ему самому в решении его собственных проблем?

Василий Макарович усомнился в светлом будущем, которое сулила ему профессия частного детектива. Первый заказчик, на которого он так рассчитывал, здорово его подвел. Больше того – он его подставил, выражаясь языком криминального контингента, с которым Куликову часто приходилось общаться по роду своей прежней деятельности. Причем подставил не только его самого, но и Василису, которую Куликов необдуманно подключил к расследованию.

Может быть, прекратить публикацию объявления, махнуть рукой на работу частного детектива и жить, как живут другие пенсионеры? Ходить по врачам, сидеть в очередях, в свободное от посещения поликлиники время клеить модельки танков и самоходных артиллерийских установок, смотреть телевизор...

Василий Макарович снова вздохнул. Такая перспектива его совершенно не вдохновляла. Ему хотелось работать, чувствовать себя нужным людям...

И тут в прихожей заливисто и полнозвучно раскатился дверной звонок.

Куликов вздрогнул от неожиданности, выбрался из-за стола и проследовал в прихожую.

Здесь он припал к дверному глазку, чтобы разглядеть посетителя. Точнее, посетителей.

На площадке перед его дверью переминались двое здоровенных громил с самыми подозрительными физиономиями.

Впрочем, линза глазка так искажала человеческую внешность, что даже пожилая безобидная дворничиха тетя Фрося превращалась в матерую уголовницу, не говоря уже о бывших коллегах по работе в милиции, которых вполне можно было принять за лидеров организованной преступности или закоренелых террористов.

– Кто? – коротко осведомился Куликов.

– Частный детектив здесь живет? – спросил один из посетителей, приблизив лицо к глазку. Дядя Вася разглядел гу-

стые сросшиеся брови, низкий лоб и обломанные уши боксера.

– Допустим, – ответил Василий Макарович уклончиво.

– Так мы по объявлению. Хотим тебе, дядя, серьезное дело поручить. Серьезное дело с серьезной оплатой.

Василий Макарович оживился.

Может быть, его мечта осуществится, и ему действительно поручат настоящее расследование? Во всяком случае, этот угрюмый посетитель несколько не похож на ревнивого мужа, собирающегося нанять детектива для слежки за неверной женой или подругой. Хотя бы потому, что ревнические мужья не ходят по двое. Ревность – чувство сугубо интимное и индивидуальное.

– Ну что, дядя, откроешь или так и будем через дверь базарить? – процедил бровастый.

Василий Макарович щелкнул замком и открыл дверь.

Посетители протиснулись в прихожую, где сразу же стало тесно.

При непосредственном контакте они выглядели не намного лучше, чем через глазок.

Первый, со сросшимися бровями и низким лбом, был самый настоящий громила-уголовник. Правда, второй был малость попримечнее – широкоплечий парень с наголо выбритой головой и черным чемоданчиком в руке. Однако его маленькие холодные глазки смотрели на Василия Макаровича с каким-то нехорошим выражением, с тем чисто профессио-

нальным интересом, с каким мясник смотрит на барана или теленка.

– Проходите... – неуверенно протянул дядя Вася. – Тапочки можете не надевать...

– А мы и не собирались, – отозвался бровастый и обменялся со своим напарником насмешливым взглядом. – Правда, Гоша?

Тот ничего не ответил, только зыркнул неприветливо.

Василий Макарович неохотно повернулся к посетителям спиной и шагнул в сторону кабинета...

И тут же коридор покачнулся перед его глазами, а в затылок уперлось что-то холодное и твердое.

– Шагай, дядя, куда собирался! – прошипел ему в ухо бровастый. – И смотри, без фокусов и без шума, а то придется твои мозги с обоев соскребать!

– Вы что, ребята, – забормотал Куликов. – Вы меня с кем-то перепутали! Думаете, у меня денег много? Да я нищий пенсионер... у меня в холодильнике и то пусто!

– Нас твои гроши не интересуют! – бровастый повысил голос. – Говорят тебе – шевели копытами, а то рассержусь!

Василий Макарович послушно двинулся вперед и свернул в свой кабинет. При этом он тоскливо думал, что вряд ли ему светит стоящее расследование.

Бандит толкнул его на узкую кушетку и переглянулся со своим напарником. Тот положил на стол черный чемоданчик, открыл его, достал шприц и ампулу с какой-то золоти-

стой жидкостью.

Наполнив жидкостью шприц, он взглянул через нее на свет, пощелкал ногтем, выпустил излишки жидкости и шагнул к кушетке.

– Не бойся, дядя, больно не будет! – пообещал бровастый. – Гоша у нас парень умелый! Верно я говорю, Гоша?

– Конечно, не будет! – отозвался бритый, наклоняясь над дядей Васей и аккуратно закатывая его рукав. – Он просто заснет и не проснется... а вскрытие покажет внезапную остановку сердца, очень даже натурально в его возрасте...

Василий Макарович в ужасе вырвал руку и попытался вскочить с кушетки.

– Лежи, сучок! – рявкнул на него бровастый, хватая его за шею. – Лежи, а то хуже будет!

– Куда уж хуже... – пропыхтел дядя Вася, выдираясь. – Вы, ребята, меня точно с кем-то перепутали...

– Давай, Гоша, коли! – прошипел бровастый бандит, одной рукой сдавливая шею Василия Макаровича, а другой прижимая к краю кушетки его руку с закатанным рукавом. – Мне его пургу слушать надоело! Коли, пока держу!

Шприц приблизился к руке, игла коснулась кожи...

В это мгновение в коридоре послышался нарастающий звук, вроде того, какой издает, приближаясь к станции, тяжело нагруженный товарный состав. Дверь комнаты распахнулась, и в нее ворвалось что-то огромное, стремительное, песочно-желтое. Бритоголовый бандит отлетел в сторону и рухнул

на пол – так падает на мерзлую землю подрубленный под самый корень ствол корабельной сосны. Шприц с подозрительной золотистой жидкостью вылетел из его руки и, как дротик в игре дартс, вонзился в ножку письменного стола. Второй злодей, с низким лбом и густыми сросшимися бровями, отлетел в другую сторону и мягко приземлился на пятую точку. Сверху на него обрушился огромный золотистый зверь, встал на грудь лапами и оскалил внушительную клыкастую пасть.

Разумеется, это был Бонни, которого Василиса с утра пораньше привела к Василию Макаровичу. Пес капризничал и не хотел оставаться один, а ей нужно было срочно встретиться с адвокатом по жилищным вопросам.

Василий Макарович, кряхтя, поднялся с кушетки и проговорил:

– Ну, Бонни, молодец!.. Вовремя подоспел! А где же ты раньше был? Небось новости по телевизору смотрел, пока меня тут убивали?

У Бонни действительно имелось такое странное хобби – он обожал часами смотреть телевизор, причем не ток-шоу, не мексиканские сериалы и даже не программы из жизни животных, а исключительно передачи новостей.

Пес негромко рыкнул, как мощный мотор дорогого немецкого автомобиля, и бросил на дядю Васю обиженный взгляд, в котором явственно читалось:

«Ох уж эти люди! Всегда у них найдется повод для недо-

вольства! Ведь я же пришел! А вообще, если ты недоволен, могу и уйти, а ты сам тут разбирайся...»

– Да нет, я тебе очень благодарен, – поспешил заверить дога дядя Вася. – Если бы не ты, я бы уже на том свете груши околачивал...

– Слушай, ты, мусор старый! – прохрипел придавленный к полу бандит. – Убери своего зверя!

– И не подумаю! – Василий Макарович подошел ко второму бандиту, который лежал на полу в бессознательном состоянии, стащил с тумбочки вышитую болгарским крестом салфетку, разорвал ее пополам и тщательно связал ему руки и ноги. Затем взял телефон и набрал номер родного отделения милиции.

– Константин, ты, что ли? – проговорил, узнав голос дежурного. – Это Куликов Василий... ну да, он самый! Тут ко мне какие-то ханурики вломились... ну, я с ними сам справился, но ты пришли кого-нибудь, чтобы оформили задержание и забрали!

– Ты, хомяк недорезанный, отпусти нас сию секунду! – прохрипел бровастый. – Отпусти, а то хуже будет!

– Отпустить? Я что, по-твоему, похож на идиота? – осведомился дядя Вася, опуская телефонную трубку на рычаг. – Бонни, ты слышал этого гаврика? Он считает, что я идиот!

Бонни наклонился еще ниже, оскалил пасть и зарычал так грозно, что бандит заметно побледнел.

– Видишь, Бонни тоже с тобой не согласен! Лучше скажи,

мил-человек, кто ты такой и кто тебя прислал!..

– Разбежался! – прошипел бровастый.

– Не хочешь говорить?

Василий Макарович наклонился, выдернул из ножки стола шприц и приблизился к бандиту:

– Так, говоришь, заснешь и не проснешься? – он поднес шприц к руке бровастого. – Остановка сердца? А что, очень натурально! Бонни тебя испугал, вот сердце и не выдержало!

– Ты этого не сделаешь! – прошипел бандит, пытаясь отодвинуться. Бонни угрожающе зарычал.

– Еще как сделаю! – пообещал дядя Вася. – Сделаю, если не скажешь, кто вас послал!

– А я знаю? – занял бандит, переводя глаза то на шприц, то на клыки Бонни. – Мне адрес сказали, фотку твою сунули и велели с тобой разобраться...

– А кто велел?

Бандит только возмущенно пыхтел.

– Что, память отказала? – Василий Макарович прикоснулся кончиком иглы к коже. – Так мы ее сейчас освежим...

В это время во входную дверь громко, тревожно зазвонили, и тут же заколотили кулаками.

– Бонни, пригляди за ним! – проговорил Василий Макарович и пошел открывать.

В прихожую ввалились его старые знакомые – капитаны милиции Творогов и Бахчинян.

– Ты что, Макарыч, правда грабителей задержал? – про-

говорил Бахчинян, оглядывая дядю Васю.

— Правда! — гордо ответил Куликов. — А что, думаете, только вы работать умеете? Мастерство, братцы, оно никуда не денется! Его, как говорится, не пропьешь!

— А чего это они к тебе влезли? — осведомился недоверчивый Творогов. — Ты что, разбогател? Правда, что ли, частные детективы хорошо зарабатывают?

— Какое там! — Дядя Вася махнул рукой. — Пока одни расходы и головная боль...

— А что же они тогда от тебя хотели?

— Вы их сами допросите, может, вам они что скажут, а у меня не получилось! — И он провел бывших коллег в свой кабинет. — Вот, получите гавриков! Сдаю подозреваемых в количестве двух человек... оба пока что целые, без заметных повреждений.

— Так это не ты их задержал, а пес! — протянул Творогов, увидев Бонни. — Любишь ты, Макарыч, чужие успехи себе приписывать! Прямо как наш начальник...

— Мы с ним работаем в паре, как вы с Тигранычем! — ответил дядя Вася и ласково потрепал Бонни по загривку. — Ну ладно, ребята, оформляйте задержание!

— Не советую! — пропыхтел снизу бровастый бандит. — Ничего, кроме головной боли, вы этим не заработаете. А мы уже сегодня вечером дома будем...

— Это мы еще посмотрим! — отозвался мрачный Творогов. — Оформляй, Тиграныч!

Через пятнадцать минут brave капитаны надели бандитам наручники и вывели их из квартиры Василия Макаровича.

Однако, когда через два часа Куликов позвонил в отделение, чтобы узнать судьбу задержанных, еще более мрачный, чем обычно, капитан Творогов сообщил ему:

– Что ты думаешь, Макарыч? Их уже отпустили!

– Как отпустили? – удивленно переспросил дядя Вася.

– Очень просто! Не успели мы доставить их в отделение, не успели задать пару вопросов, как приехал адвокат.

– Какой адвокат?

– Заманский, ты его знаешь. Всякую шваль обычно защищает. Так вот, приехал он к нам в отделение и сразу заявил, что если мы эту парочку не отпустим немедленно, так он нам же иск предъявит.

– За что? – опешил Василий Макарович.

– За незаконное задержание – это раз, за причинение морального и материального ущерба – это два... опять же, за телесные повреждения. Твой Бонни, оказывается, бандита этого куснул, и адвокат первым делом след укуса сфотографировал... так что еще может приплюсовать незаконное содержание бойцовых собак.

– Ничего себе! – возмутился Василий Макарович. – Они меня убить хотели! Если бы не Бонни, я бы сейчас уже в морге лежал, с номерком на щиколотке!

– Это только с твоих слов известно, – остановил его Тво-

рогов, — а они говорят совсем другое. Якобы пришли к тебе по объявлению насчет частного детектива, хотели поручить тебе расследование. А ты вдруг на них напал и еще собаку натравил, стал вымогать деньги. А потом нас вызвал, как со-участников...

— Вот сволочь!

— Ага, — согласился Творогов. — Только Заманский так все красиво обрисовал, что начальство наше перепугалось и отпустило его подзащитных на все четыре стороны. Да еще нас предупредило, чтобы мы впредь с тобой никаких дел не имели...

— И что, Никитич, ты это распоряжение примешь как руководство к действию? — тоскливо поинтересовался Василий Макарович.

— А что мне остается? — мрачно протянул Творогов. — Тебе, Макарыч, хорошо, ты уже на пенсии! А нам с Тигранычем еще работать и работать! Так что мы распоряжения начальства должны неукоснительно исполнять!

— На пенсии! — фыркнул Василий Макарович. — Таковую пенсию и врагу не пожелаешь! На нее разве что кошку прокормить можно, и то не очень прожорливую!

— Ладно, Макарыч, ты меня не агитируй. Я тебе, может, и сочувствую, но помочь ничем не могу...

— Очень даже можешь! — Василий Макарович понизил голос: — Узнай по милицейской базе адрес и телефон одного гражданина. Николая Эльдаровича Ликопиди...

– Что это еще за Лейкоподи? – подозрительно переспросил Творогов.

– Не Лейкоподи, а Ликопиди! – поправил его Василий Макарович. – Запиши, если на память не полагаешься, – Николай Эльдарович Ликопиди. Есть у меня сильное подозрение, что это из-за него ко мне эти двое наведались...

– А у меня, Макарыч, есть очень сильное подозрение, что ты нас с Тигранычем снова хочешь в неприятности втянуть! – вздохнул Творогов. – Ну ладно, так и быть – я тебе по старой дружбе узнаю адрес твоего Ликопиди, но на этом поставим точку. Не будем больше начальство сердить...

Через сорок минут капитан Творогов сам позвонил Василию Макаровичу.

– Ну что, Макарыч, записывай адрес, – проговорил он каким-то подозрительным, словно полузадушенным голосом. – Только ты сядь на всякий случай. Ты – человек молодой, здоровье у тебя так себе, как бы чего не случилось...

– Это еще неизвестно, у кого из нас здоровье лучше! – проворчал Василий Макарович, вооружаясь ручкой и блокнотом. – Ну, записываю... а телефон ты тоже узнал?

– Насчет телефона врать не буду, – Творогов фыркнул, как будто его щекотали. – С телефоном, можно сказать, проблемы, а вот адрес записывай...

– Ладно, телефон по адресу узнать – плевое дело, сам управлюсь... ну, диктуй...

– Пиши, Макарыч: квадрат 4-А, седьмая дорожка, четвер-

тый участок с краю...

– Какой квадрат? Какая дорожка? – недовольно огрызнулся дядя Вася. – Говори по-человечески!

– А я тебе по-каковски объясняю? По-собачьи, извини, не умею, это ты к Бонни своему обращайся. Повторяю еще раз, для особо одаренных: Северное кладбище, квадрат 4-А, седьмая дорожка, четвертый участок с краю...

– Мать честная! – До Василия Макаровича наконец дошло. – Что, уже и схоронить успели? Он же только три дня назад у меня в квартире был! Ну у них и темпы!

– Темпы, Макарыч, тут ни при чем! – прервал его ехидный Творогов. – Не знаю, кто у тебя был позавчера, а только этот Ликопиди уже семь лет на Северном кладбище прописан. Или как это сейчас называется? Регистрация?

– Постой, как семь лет? – Василий Макарович тяжело опустился на стул, который, к счастью, оказался поблизости. – Никитич, может, ты чего перепутал? Может, это не тот Ликопиди? Может, однофамилец или родственник?

– Ага, не тот! – хмыкнул Творогов. – Я понимаю, если бы Иванов был, или, к примеру, Куликов, как один мой сильно умный знакомый – можно было бы сомневаться, а этих Ликопиди всего-то в городе нашлось четыре человека, причем два из них – женщины, так что они точно отпадают. А он еще и Николай Эльдарович для полного счастья... так что, Макарыч, как хочешь, а только к тебе именно этот покойник приходил!.. Ну, будь здоров, Василисе привет!

– Мать честная! – растерянно повторил дядя Вася. – Это что же выходит?

Неизвестно, рассчитывал ли он на какой-то ответ, но из трубки уже неслись короткие гудки отбоя: капитан Творогов повесил трубку, чтобы бдительное начальство не застало его за запрещенным занятием – общением с Василием Макаровичем Куликовым...

После разговора с капитаном Твороговым настроение у Василия Макаровича еще больше испортилось. Он понял, что столкнулся с чем-то очень серьезным и опасным, влез в настоящий криминал. Выходит, самый первый клиент его детективного агентства пришел к нему под чужим именем...

Тут дядя Вася вспомнил, что у него записан номер машины, на которой приезжал к нему фальшивый Ликопиди. По номеру машины можно легко установить настоящее имя и адрес владельца, так что еще не все потеряно...

Правда, его и на этот раз поджидала мелкая неудача. Роскошного блокнота, в котором он записал номер машины, не оказалось на письменном столе, видимо, его сбросили во время стычки с бандитами. Дядя Вася, кряхтя, опустился на колени и заглянул под стол. Там блокнота тоже не оказалось.

Василий Макарович внимательно осмотрел всю комнату – и снова безрезультатно.

Неужели нагрянувшие к нему бандиты знали про его записи и украли блокнот?

Дядя Вася стоял посреди кабинета, растерянно почесывая затылок. Он пытался вспомнить злополучный номер, но в памяти всплывали совершенно посторонние цифры: чьи-то телефонные номера, дни рождения, пин-код мобильного телефона... единственное, что он хорошо помнил, – что его подозрительный клиент приезжал на «БМВ» третьей серии, а вот номер окончательно вылетел из головы. Кажется, вначале там было то ли «АГА», то ли «ОГО»...

Вдруг из соседней комнаты донесся какой-то подозрительный шум.

Василий Макарович устремился на звук и увидел Бонни, который с виноватым видом стоял перед грудой старых журналов, свалившихся с этажерки.

– Бонни, – недовольно проговорил дядя Вася, наклоняясь, чтобы собрать журналы, – сколько раз я тебе говорил – не пинай эту этажерку, она очень неустойчивая! Видишь, теперь мне, с моим радикулитом, приходится все это собирать...

Он подобрал несколько номеров журнала «Техника – молодежи» за восемьдесят второй год, пару потрепанных номеров «Науки и жизни», привычно удивился, почему до сих пор не выбросил это старье, и вдруг увидел под журналами что-то бесформенное, изжеванное до неузнаваемости.

– А это еще что такое? – проговорил дядя Вася, двумя пальцами поднимая за уголок непонятный предмет. – Бонни, признавайся – твоя работа? Ты откуда приволок эту гадость?

Бонни смущенно потупился и отошел в другой конец ком-

наты, всем своим видом показывая, что не имеет к «этой гадости» никакого отношения. Василий Макарович собрался отправить неизвестный предмет в мусорное ведро, как вдруг ему почудилось в нем что-то удивительно знакомое.

Приглядевшись повнимательнее и повертев находку, он с удивлением понял, что держит в руках тот самый блокнот, который безуспешно искал в кабинете. Правда, от новенького, очень красивого блокнота в кожаном переплете, который Василий Макарович купил для солидности, когда приступал к работе частного детектива, осталось одно воспоминание. Да и это воспоминание было изжевано и обслюнявлено до полного неприличия.

– Бонни, ну ты и тип! – возмущенно проговорил дядя Вася. – Это же важный блокнот! Сколько раз я тебе говорил – ничего у меня в кабинете не трогай!

Пес взглянул на него очень выразительно: с одной стороны, в его взгляде присутствовало чувство вины и обещание больше никогда так не поступать, с другой – он невзначай напоминал отставному милиционеру, что совсем недавно, всего какой-то час назад, спас ему жизнь, так что говорить сейчас о каком-то несчастном блокноте – некрасиво, неблагодарно и невежливо.

– Ну, Бонни... – Дядя Вася сдержал рвавшиеся с языка упрёки и осторожно раскрыл изжеванный блокнот.

Страницы слиплись, чернила расплылись, но он все же сумел прочитать записанный там автомобильный номер.

Творогов ясно дал ему понять, что звонить ему не стоит, по крайней мере, какое-то время. К счастью, за время работы в милиции у дяди Васи накопилось множество друзей и знакомых, и он набрал номер старого сотрудника ГИБДД, с которым его когда-то связывала немногословная мужская дружба.

– Пустонен! – раздался в трубке протяжный голос гаишника.

– Здорово, Матти! – приветствовал его Василий Макарович. – Куликов беспокоит. Не забыл меня?

– Не-ет, не запыл!.. – отозвался Матти. – Здравствуй, Васи-илий! Как дела-а?

– Хорошо, – дядя Вася не стал вдаваться в подробности. – Слушай, Матти, мне твоя помощь нужна. Пробей по своей базе номер УГУ – 383. Ну, кому принадлежит... адрес там, координаты... короче, сам понимаешь.

– Хорошо-о, Василий... – отозвался «горячий финский парень». – Тепе срочно?

– Еще как срочно!

Несмотря на кажущуюся медлительность, Матти Пустонен все делал быстро и основательно. Через десять минут он уже перезвонил Василию Макаровичу и проговорил, привычно растягивая слова:

– Запи-сывай, Васи-илий... твой «сапор» принатлежит Анне Порисовне Сферчковой, Сатовая улица, том шестьдесят тва, кфартира тевятнатцать...

– Садовая, шестьдесят два? – уточнил дядя Вася.

– Та, та, Сатовая!

– Анна Борисовна Сверчкова?

– Та, Сферчкова!..

И тут до Василия Макаровича дошла некоторая странность.

– Как ты сказал? – переспросил он настороженно. – «Запор»? То есть «Запорожец», что ли?

– Ну та, «Сапорожец»! – уверенно подтвердил гаишник.

– Матти, ты ничего не перепутал? Это должна быть «БМВ» третьей серии...

– Васи-лий, ты тумаешь, что я «ПМВ» от «Сапорожца» не отличу? – В голосе Матти прозвучала обида.

Впрочем, Василий Макарович прекрасно знал, что Матти Пустонен никогда и ничего не путает. Если он сказал «Запорожец», значит, «Запорожец»... но ведь он, Василий Макарович Куликов, своими глазами видел, что фальшивый Ликопиди приехал к нему на новенькой черной «БМВ»! Да такого человека и невозможно представить на «Запорожце»!

Значит... значит, номера машины были такими же фальшивыми, как паспорт?!

В любом случае единственная ниточка, которая оказалась в дяди-Васиных руках, – это Анна Борисовна Сверчкова, проживающая на Садовой улице. Скорее всего, она не имеет к Ликопиди никакого отношения, но проверить надо...

Василий Макарович поблагодарил Пустонена, пообещал в

ближайшее время встретиться с ним и выпить пива, а может, и чего покрепче.

Я позвонила в дверь Василия Макаровича очень расстроенная. Адвокат по жилищным вопросам, которого рекомендовала дальняя знакомая, мне сразу не понравился. Начать с того, что он опоздал на полчаса, и мне пришлось тосковать в приемной под насмешливым взглядом секретарши. Ни чаю, ни кофе мне, конечно, не предложили, а журналы все были полугодовой давности. То есть сейчас, на пороге зимы, мне предлагалось покупать бикини и яркие летние платья. Согласитесь, что это раздражает.

Адвокат наконец явился. Это был дядечка среднего возраста и легкой плешивости, однако повадки у него были самого что ни на есть записного красавца. Он бросил портфель в кресло, как ему казалось, широким небрежным жестом (на самом деле это выглядело так, словно портфель вывалился из неловких рук), затем тряхнул головой, как актер Пирс Броснан. Но тот таким жестом небрежно откидывает пышные волосы, адвокат же был, как я уже сказала, слегка плешив, и откидывать ему было нечего, поэтому со стороны все выглядело ужасно смешно. Потом он скользнул по мне равнодушным взглядом, как по пустому месту, и осведомился у секретарши, не пришла ли та дама, с которой он договорился о встрече. Та молча указала глазами на меня.

– Ах, это вы! – произнес адвокат разочарованным го-

лосом. – Ну, прошу обождать, я должен сделать несколько звонков.

И как вы думаете, чем он занимался в своем кабинете? Правильно догадались, через секунду туда прошествовала секретарша, и до меня донесся аромат свежесваренного кофе.

Им что, клиенты совершенно не нужны? Однако что-то не похоже, чтобы этот адвокат был завален работой по самые уши. Первым моим побуждением было встать и уйти.

Однако жизнь научила меня не следовать первому побуждению или хотя бы досчитать до десяти перед тем, как принять какое-нибудь важное решение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.